

Александр Михайловский
Александр Харников

БРИТАНСКИЙ ВОЯЖ

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Военная фантастика (АСТ)

Александр Михайловский

Британский вояж

«АСТ»

2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Михайловский А. Б.

Британский вояж / А. Б. Михайловский — «АСТ»,
2018 — (Военная фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-106597-3

Машина времени, открывшая дорогу из будущего в прошлое, успешно работает. Теперь уже не кучка энтузиастов, а вполне серьезные правительственные структуры РФ вышли на прямую связь с императором Николаем I. Сотрудники спецслужб России помогают жандармам бороться с вражеской агентурой, а глава III отделения граф Бенкендорф отправляется в командировку в будущее, дабы там немного подлечиться и встретиться кое с кем из руководства РФ. А в Лондон с деликатной миссией отправилась группа силовиков для поимки Дэвида Уркварта – самого главного ненавистника России. Именно он направлял на Кавказ в помощь мятежным горцам оружие и деньги, добровольцев и военных советников. Нужно во что бы то ни стало отловить его и доставить в Петербург.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-106597-3

© Михайловский А. Б., 2018
© АСТ, 2018

Содержание

Пролог	6
«От каждого по способностям...»	8
Новые знакомые	14
И хочется, и колется...	22
Первый шаг к цели	27
Москва Златоглавая	35
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Александр Михайловский, Александр Харников Британский вояж

Авторы благодарят за помощь и поддержку Макса Д (он же Road Warrior) и Ильина Олега Васильевича

© Александр Михайловский, Александр Харников, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

Пролог

Сторожевой корабль «Изумруд» Крымского пограничного управления ФСБ России вошел в изумрудную арку межвременного портала. В XIX веке погода немного отличалась от той, которая была в веке девятнадцатом. Вместо черного бархатного южного неба, усыпанного звездами, поверхность моря окутал густой туман. Не было не видно ни зги. Стоящий на палубе «Изумруда» капитан-лейтенант Бобров замурлыкал себе под нос: «Там за туманами, вечными пьяными, там за туманами берег наш родной...» Лейтенанту Русского императорского флота Степану Попову нравилась эта песня, и он стал подпевать своему другу.

Бобров неожиданно рассмеялся.

– Степа, да ты совсем стал нашим. Даже наши песни поешь. Может быть, примешь присягу Российской Федерации и перейдешь к нам на службу?

– А может быть, ты, Андрей, присягнешь государю нашему, Николаю Павловичу, да будешь служить под командованием адмирала Лазарева? – подколот своего приятеля Попов. – Я замолвлю за тебя словечко императору.

– Вам бы только языками чесать, – ворчливым старушечьим голосом вмешался в их разговор вахтенный офицер лейтенант Коровин. – Между прочим, такая мерзкая погода – самое то для наших «друзей». Помните, как дней десять назад мы в таком же тумане перехватили турецкую фелюгу с английскими ружьями? Конечно, если бы не радиолокатор – ни за что бы их не заметили.

– Ну, так и сейчас, наверное, БЧ-7 своим делом занимается, – ответил капитан-лейтенант Бобров. – К тому же наши люди в Болгарии сообщили, что лаймиз готовятся к переброске на Кавказ очередной партии пороха и денег. Учítывая, что турки могут позариться на золотишко, экипаж шхуны, которая возьмет этот груз, будет исключительно британским. Хотя эти островитяне тоже при первой же возможности набили бы карманы полновесными гинейми.

– Так-то оно, конечно, так, – с сомнением произнес лейтенант Попов, – только в этот раз экипаж будет состоять из людей проверенных. А сие означает, что они будут стараться во что бы то ни стало прорваться к побережью. И сопротивляться будут отчаянно.

– Пусть только попробуют, – зловеще ухмыльнулся Бобров. – Мы их враз научим хорошим манерам. – И он указал рукой на башенку корабельной артиллерийской установки АК-630.

Попов кивнул – он помнил, как из такой вот шестиствольной пушки в считанные минуты была уничтожена британская яхта «Свифт». Техника уничтожения потомков порой ужасала его. Лейтенант не раз задумывался над тем – как далеко шагнула человеческая мысль в деле истребления себе подобных.

– Товарищ капитан-лейтенант, – к Боброву подбежал вахтенный матрос, – командир велел передать – обнаружена одиночная цель, дистанция двадцать миль, скорость семь узлов. Двигается в сторону мыса Адлер.

– Похоже, что это те, кого мы ждем, – сказал Бобров. – Ну, все, ребята, шутки в сторону. Все по местам, начинаем работать...

* * *

...Двухмачтовая быстроходная шхуна «Си Фокс» вышла из Бургаса тихой туманной ночью. Ее шкипер, Фрэд Дженкинсон, был опытный моряк, давно уже плававший в этих водах. К тому же он был удачлив, а для экипажа это весьма важно – ведь, по мнению матросов, удача их капитана служит залогом безопасности.

Все знали – что за груз в трюме шхуны. Правда, про золото известно было немногим. Да и хранился бочонок с золотыми монетами в каюте капитана, под охраной самого мистера Дженкинсона и его слуги-телохранителя. А вот про бочки с порохом знали все. И прекрасно понимали, что в случае, если их перехватит русский корабль из числа блокировавших кавказское побережье, и начнется перестрелка, то шансов уцелеть для них почти не останется. Одно ядро в трюм – и все дружно вознесутся на небо. Точнее, загремят в ад, потому что с их грехами в рай экипаж «Си Фокс» вряд ли попадет.

Одна была надежда – на туман и везение капитана. Матросы знали – если все пройдет удачно, за этот рейс они получат хорошую премию от секретной службы Ее Величества королевы Виктории – да хранит ее Господь! Поэтому все команды капитана и боцмана экипаж выполнял беспрекословно, а наблюдатели, сжимая в потных ладонях подозрительные трубы, пытались сквозь туман углядеть паруса русских патрульных корветов и бригов.

Но корабль, которого им следовало бояться, парусов не нес, и, что самое главное – давно уже обнаружил шхуну. И не только обнаружил, но и взял ее на прицел.

Капитан-лейтенант Бобров знал о грузе «Си Фокс». Он понимал, что попытка высадить на шхуну досмотровую группу опасна. И не только потому, что ее капитан мистер Дженкинсон считался абсолютным «отморозком». Дело в том, что все матросы шхуны были вооружены, и стоило хотя бы одному из них выстрелить в бочку с порохом, которых было немало в трюме «Си Фокс»...

В общем, капитан-лейтенант, посоветовавшись с лейтенантом Поповым, принял решение – без особых затей просто утопить британцев.

Что и было выполнено. К тому же капитан Дженкинсон сам, что называется, нарывался. Увидев сторожевик, он попытался оторваться от него и первым открыл огонь. В ответ прозвучала очередь корабельной шестистволки. А потом бабахнуло, да так, что грохот взрыва, наверное, был слышен у мыса Адлер, к которому «Си Фокс» так и не дошла. Спасенных не было, да и вряд ли могли быть.

«Изумруд» продолжил свое патрулирование, а матрос палубной команды кисточкой стал рисовать на рубке очередную красную звездочку...

«От каждого по способностям...»

После прогулки на катере по Неве все, за исключением графа Бенкендорфа, которого подполковник Шукин лично отвез в закрытый санаторий ФСБ, направились на Черную речку, где в ангаре облачились в наряды XIX века и стали ждать открытия портала.

Путешествие из прошлого в будущее и наоборот стало уже привычным делом для всех, кроме Надежды Шукиной, которая, несмотря на свою отчаянную храбрость, сейчас немного волновалась. Платье, которое ей нашла в своих, казалось, неисчерпаемых закромах Ольга Румянцева, показалось «летающей амазонке» смешным и нелепым. Но, как ни странно, в нем она стала еще красивее, хотя, казалось, куда уж больше. Ротмистр Соколов не сводил с Надежды восхищенных глаз, а подполковник Шукин, внимательно за всем наблюдавший, лишь таинственно улыбался и хмыкал.

Антон настроил свой чудо-агрегат, изумрудная точка постепенно превратилась в огромный овал, и в открывшемся портале все увидели зелень кустарника и фигуры встречающих. В них Шумилин узнал Сергеева-старшего, Юрия Тихонова и Игоря Пирогова. Встретить свою любимую дочь явился и сам император. Александру показалось, что встречавшие были немного взволнованы. Три кареты дворцового ведомства ждали хронопутешественников за небольшой рощицей.

О причине волнения встречающих Виктор и Юрий рассказали Шумилину и Шукину в карете, после того, как портал закрылся и все отправились в путь. То, что произошло в лесу неподалеку от имения Сергеева, лишний раз подтвердило решение Александра – окончательно и радикально разобраться с неугомонным мистером Урквартом и его приятелями. Если британцы зашли так далеко и, что называется, края потеряли, то их следует поставить на место и отучить заниматься беспределом в России. Не навсегда, так хотя бы на какое-то время...

– А Юра молодцом себя показал, – Сергеев кивнул на сидевшего рядом с ним Тихонова. – Вроде сугубо штатский человек, а не запаниковал, когда надо было стрелять, вполне нормально себя вел. Наш человек...

– Ну, когда на тебя прут бешеные пшечки с кинжалами, тут не до гамлетовских сантиментов «бить или не бить?», – с улыбкой ответил тот. – К тому же в молодости мне довелось побывать в нескольких научных экспедициях. На Камчатке приходилось спать в палатке с карабином в обнимку. Бывали случаи, когда любопытные медведи заглядывали в наш лагерь на огонек. А тут ляхи какие-то...

– Все равно молодец, Николаевич, – Шукин одобрительно похлопал Тихонова по плечу. – Надо к твоему «парабеллуму» тебе еще кое-что подбросить. Кажется мне, что наши захватывающие приключения только-только начинаются.

– Кстати, Иваныч, – обратился он к Сергееву, – как в связи со всеми этими делами настроение у императора? Он уже решил, что нам необходимо навестить Туманный Альбион, чтобы кое-кого из его обитателей наставить на путь истинный?

– В общем, да, – ответил Виктор. – Николаю Павловичу очень не понравилось то, что британцы считают Россию чем-то вроде Цинского Китая. Шляются по стране почем зря, таскают с собой польских недобитков, пытаются похищать или убивать людей, к которым лично благоволит государь. В общем, Михайлыч, карт-бланш получен, и пора начинать охоту за скальпом мистера Дэвида Уркварта.

– Мы тут вчерне набросали план экспедиции на Британские острова, – Шукин заявил это будничным голосом, словно речь шла о поездке на дачу, – надо только определиться с ее участниками.

– Ну, Колька мой наверняка туда поедет, – почесав лысую голову, промолвил Сергеев, – если хорошую крупнокалиберную снайперку ему добыть, то он этого Уркварта издалека завалить может.

– Тут, Иваныч, не все так просто, – покачал головой Олег. – Снайперку достать для твоего орла для нас не проблема. Вот только этого сэра нам было бы желательно взять живьем. Он может много чего интересного рассказать. И еще. Парень твой уже засветился. Слишком часто он появлялся рядом с царем. Так что, если он и будет участвовать в охоте на этого британца, то лишь в группе поддержки. А в саму Британию ему соваться не след.

– Пожалуй, ты прав, – немного подумав, произнес Шумилин. – К тому же у Коли особая примета, – и он показал пальцем на свой глаз. – Так что не будем рисковать. Можно высвистать сюда моего Вадима. Их в «Громе» натаскивают качественно. Олег, ты сможешь через своих коллег организовать для Вадима длительную командировку? Пусть наркомафия немного отдохнет от него. Было бы неплохо, чтобы ему разрешили взять с собой его снаряжение и оружие.

– Сделаем, – кивнул Щукин. – С ФСКН мы сможем договориться. И насчет снаряжения тоже что-нибудь придумаем. А с языками у твоего сына как?

– Не очень, – развел руками Шумилин. – Немного шпрехает по-немецки, может читать и писать со словарем по-английски. Чуть-чуть говорит по-фински. Вот и все.

– Ладно, – вздохнул Щукин, – жаль, конечно. Но ему, как я уже сказал, на сам остров, скорее всего, отправиться и не придется. – Да, вот еще что. Тут моя дочурка ко мне прицепилась. Тоже хочет посетить Британию. Подготовлена она неплохо, знает английский и французский. Не лежит душа у меня к этому, но что поделаешь. В хорошей компании даже вооруженный зарубежный туризм в удовольствие.

– А какие еще кандидатуры у вас утверждены? – поинтересовался Сергеев. – Ведь надо отправить за мистером Урквартом как минимум человек пять. Полагаю, что он не живет у себя дома отшельником, а его слуги, как мне кажется, умеют не только овсянку варить и портвейн наливать.

– Можно взять с собой Дениса и казака Никифора Волкова, – немного подумав, сказал Виктор. – Казак много чего умеет. Уже нами проверено не раз. А Денис с его подготовкой тоже лишним не будет. 886-й ОРДБ Северного флота – кто знает, тот сразу поймет – что это за богоугодное заведение.

– 886-й Отдельный разведывательно-десантный батальон... – задумчиво произнес Щукин. – Да, с этими мальцами не пошуткуешь. Только как у него с языками? Хотя бы один знает?

– Племяш знает английский и норвежский языки, – с гордостью сказал Сергеев. – Ну, хотя бы в том в объеме, чтобы допросить пленного. Только я думаю, что допрашивать пленных есть кому и без него. А вот добыть «языка» – это как раз задача для Дениса. Он порассказал мне как-то под настроение – чему их в ОРДБ учили. Так Рэмбо такое, наверное, и не снилось. Думаю, он лишним не будет.

– Ну, вот и хорошо, – подвел итог «мозгового штурма» Щукин. – А еще будет группа поддержки. Если группе захвата туго придется, то они придут на помощь и надают по мозгам британским нехорошим людям, чтобы те не забижали маленьких. Старшим в группе поддержки буду я. Я же возглавлю и всю операцию. В группу поддержки войдут также Сергеев-младший и Игорь Пирогов. Он нам будет нужен как моряк. Скорее всего, покидать негостеприимную Англию нам придется по морю. Во всяком случае, это будет одним из вариантов нашей амбаркации.

– Кстати, – спросил Щукин, – император ничего не говорил о том, насколько мы можем рассчитывать на поддержку сотрудников его внешней разведки?

– Разговор на эту тему был, – уклончиво ответил Сергеев, – но тебе, Олег, лучше обо всем самому побеседовать на эту тему с Николаем Павловичем. Я в ваших делах шпионских, что называется, ни уха, ни рыла. Да и – чем меньше знаешь, тем крепче спишь. А у меня и без того от всего происходящего сплошная бессонница.

– Ладно, – примирительно сказал Щукин, – кесарю – кесарево, а слесарю – слесарево. Да, смотрите, мы уже подъезжаем к Аничкову дворцу. Бедный цесаревич Александр Николаевич – мы скоро его из собственного жилища выживем.

– Он пока холостякует, – улыбнулся Сергеев, – так что помещение временно пустует. К тому же здесь более-менее спокойно. Челядь дворцовую люди графа Бенкендорфа как следует прошерстили и всех неблагонадежных удалили. Это не Зимний, который давно уже стал проходным двором. Так что пусть будущий Дворец пионеров побудет на время нашей штаб-квартирой. Ну, все, приехали. Выгружаемся и идем во дворец. Царь-государь с нами беседовать желает.

* * *

По приезду в Аничков дворец император Николай, не откладывая дела в долгий ящик, сразу же приступил к работе. Пригласив всех в Желтую гостиную и дождавшись, когда они рассядутся в мягких креслах, он прокашлялся и открыл совещание.

– Господа, – обратился он к присутствующим, – вам, наверное, уже известно – что произошло у нас за время вашего отсутствия. Господа из Англии обнаглели настолько, что совершенно перестали считаться с общепринятыми правилами приличия. Я внял советам Виктора Ивановича и принял решение – все виновные должны быть примерно наказаны. Как это лучше совершить – решайте сами, не мне вас учить. Я знаю, что вы в вашем времени научились прекрасно управляться с подобными делами. Поэтому в способах наказания виновных в оскорблении России и меня, как ее монарха, я вас стеснять не стану. Единственное, что я требую от вас – ни в коем случае не должны пострадать невинные.

– Это само собой, ваше величество, – пообещал за всех Шумилин. – А список тех, кто должен отправиться в Англию, чтобы тайно доставить оттуда в Россию мистера Уркварта, у нас уже готов. Руководить этой заморской экспедицией будет подполковник Щукин. Из ваших подданных мы хотели бы пригласить для участия в путешествии в Англию казака Никифора Волкова. Он уже проверен нами в деле, и мы знаем, что он не подведет.

– Пусть будет так, Александр Павлович, – ответил император. – К сожалению, я не могу разрешить отправиться вместе с вами ротмистру Соколову. Кстати, хочу поздравить его чином майора. Надеюсь, что господин майор со временем станет надежным помощником графа Бенкендорфа. А пока, в отсутствие Александра Христофоровича, он будет наблюдать за всеми текущими делами в подведомственных графу учреждениях.

Красный от смущения новоиспеченный майор вскочил и стал горячо благодарить императора за доверие. При этом от Николая не укрылся взгляд, который бросила на Соколова его новая знакомая – Надежда Щукина. Про себя царь подумал, что было бы совсем неплохо, если бы эти молодые люди со временем сблизились или даже поженились. Таким образом удалось бы покрепче привязать к себе подполковника Щукина, который, как понял император, был вхож к руководству России XXI века.

– Господа, я знаю о том, что вы обладаете чудесным оружием и механизмами, с помощью которых вам удастся делать то, что не могут делать остальные, – сказал Николай. – Но и без нашей помощи вам никак не обойтись. Поэтому в экспедицию вы отправитесь вместе с флотскими лейтенантами Краббе и Невельским. Они уже знают о вашем происхождении, а потому вам будет легче с ними иметь дело. Официально лейтенанты Невельской и Краббе оправятся в Британию для того, чтобы на верфях королевства познакомиться с новинками парового судо-

строения. В Лондоне вы, Олег Михайлович, будете иметь дело с нашим дипломатом – генеральным консулом Егором Карловичем Бенкгаузен, у которого есть немалые связи среди британских промышленников.

Услышав эту фамилию, Щукин усмехнулся. Он вспомнил, как Бенкгаузен, которого в Англии все называли просто Джорджем, получив задание из Военного министерства разузнать о новых ударных колпачках для британских ружей, сумел через своего агента – главного инспектора английского Арсенала – не только получить всю требуемую информацию, но добыть и сам станок для изготовления этих колпачков.

– Помимо него, – продолжил император, – вам в Лондоне будет помогать княгиня Дарья Христофоровна Ливен – вдова посланника России в Британии князя Христофора Андреевича Ливена. Фактически же Дарья Христофоровна и при жизни супруга ведала всеми делами в российском посольстве. В том числе и теми, которыми дипломатам заниматься было несподручно. Ну, вы понимаете – что я имею в виду...

Шумилин, которому хорошо была известна биография Дарьи Христофоровны, кивнул. Он знал, что княгиня Ливен фактически была резидентом русской разведки не только в Британии, но и во всей Европе. Куда там до нее легендарной Мата Хари! По всей видимости, о княгине кое-что слышал и подполковник Щукин. Он уважительно кивнул и что-то чиркнул в своем рабочем блокноте.

– Граф Бенкендорф написал для своей сестры рекомендательное письмо, – сказал Николай. – В свою очередь, и я напишу небольшую записочку милейшей Дарье Христофоровне. Помощь ее будет для вас просто неоценимой.

– Олег Михайлович, – продолжил император, – вы и ваша команда отправится в Англию на русском военном корабле «Богатырь», вместе с лейтенантами Краббе, Невельским, Игорем Сергеевичем Пироговым и нашим метким стрелком Николаем, – царь кивнул внимательно слушавшему его Сергееву-младшему. – Сопровождать вас будет также несколько проверенных в деле и храбрых нижних чинов. Как я слышал от Олега Михайловича, у вас есть возможность поддерживать постоянную связь из Лондона с Петербургом. Это так?

Щукин кивнул, и Николай продолжил:

– Я полагаю, что с помощью княгини Дарьи Христофоровны вам удастся обнаружить местонахождение этого зловредного Уркварта, и вы сумеете его похитить. У него сейчас весьма сложные взаимоотношения с нынешним премьер-министром Британии лордом Мельбурном и министром иностранных дел виконтом Палмерстоном. Но не из-за России – оба они нас тоже не любят. Просто британское правительство сейчас с головами влезло в китайские дела – вы ведь знаете, что там идет нешуточная война за право британских купцов торговать в империи Цин опиумом. К тому же дела Британии в Афганистане тоже обстоят далеко не блестяще. И на то, чтобы доставить крупные неприятности России, у английского правительства в данный момент просто нет сил и возможностей.

Но мистер Уркварт считается ярким ненавистником России, и за ним стоит немало влиятельных в Британии сил, которые дают ему деньги на ведение боевых действий против нас. Он продолжает вербовать мятежных поляков, вооружать их и высаживать на побережье Черного моря для того, чтобы они, вместе с немирными горцами, нападали на наши южные рубежи. Помните – мистера Уркварта поддерживают важные особы, и, если его похищение закончится неудачей, и власть предержащие в Британии каким-либо образом узнают, что к нему причастны мои подданные, может разразиться большой дипломатический скандал. Поэтому я хочу, чтобы, если что-то подобное и произойдет, то Россия не имела бы к этому делу никакого отношения.

– Мы все понимаем, ваше величество, – ответил за всех Щукин, – и в наше время порой приходилось действовать подобным же образом. Работа у нас такая...

– Если у вас все получится, то выбираться из Британии вам придется по морю. Егор Карлович наймет вам какой-нибудь бот, на котором вы сумеете покинуть территорию Англии. А там, в открытом море, вас встретит пароходо-фрегат «Богатырь», на котором вы и вернетесь в Россию. Если, не дай бог, конечно, randevу не состоится, то тогда вам придется высадиться в континентальной Европе. А там мы уже постараемся сделать все, чтобы вы благополучно вернулись в Россию. Впрочем, господа, я надеюсь на ваш ум, способности и удачу...

* * *

Получив благословение от императора, Шукин стал готовиться к экспедиции в негостеприимный Туманный Альбион. Полдня он просидел за столом, голова к голове с Шумилиным и Сергеевым-старшим, составляя список того, что им может понадобится в походе. А майор Соколов напряг все возможности своего учреждения для того, чтобы как можно больше узнать о местонахождении мистера Уркварта и его перемещениях.

Результаты своей работы он изложил в обширной справке, которую майор предоставил Олегу. В ней было много любопытного и даже мистического. Оказывается, родовое гнездо нашего героя – замок Уркварт – находилось на берегу озера Лох-Несс. Да-да, того самого, в котором, как рассказывают местные жители, водится зубастый монстр Несси. Правда, от самого замка давно уже остались одни лишь развалины, но факт остается фактом – таинственное водное чудовище и отъявленный шотландский русофоб – земляки.

Родился же Дэвид Уркварт в 1805 году в Кромарти – кто помнит – так звали одного из терминаторов из «Хроник Сары Коннор». Шукин задумчиво почесал голову, любопытно это все, черт возьми.

Оказавшись после дипломатического скандала на время не у дел, Уркварт не бездельничал. Он выпускал русофобский журнальчик «Портфолио» и активно плел интриги против России. Проживал он большей частью в Лондоне, время от времени выезжая в свои родные места – на север Шотландии, где останавливался у родственников неподалеку от Кромарти.

А вот это было очень интересно.

Кромарти лежало на берегу морского залива Мори-Ферт. А потому было бы неплохо отловить в тех малолюдных местах мистера Уркварта, упаковать его и на лодке переправить на борт парохода-фрегата «Богатырь». Только надо было точно узнать – когда именно Уркварт соблаговолит выехать в Хайленд.

Подполковник собрал всех участников предстоящей акции и вместе с ними стал более детально прорабатывать план похищения Уркварта. В конечном итоге было решено разделиться на две группы: основную и резервную.

Первая прибудет в Лондон и с помощью княгини Ливен установит негласное наблюдение за мистером Урквартом. Узнав, что он собирается (или не собирается) выехать в Шотландию, возглавляющий операцию Олег Шукин по радиостанции сообщит об этом на «Богатырь». Тот выйдет в море и, крейсируя вдоль побережья Британии, будет ожидать дальнейших распоряжений. В зависимости от обстоятельств, группа захвата отловит Уркварта и отправится к точке randevу с пароходо-фрегатом.

В случае невозможности похищения шотландец будет ликвидирован. Но он крайне нужен спецслужбам РФ и Российской империи живым и телесно не поврежденным. На пароходо-фрегате будет находиться Сергеев-младший, который станет ждать сигнала об успехе или провале экспедиции.

Майор Соколов обещал найти тех, кто мог бы помочь группе захвата. Но сделать это было довольно трудно – север Шотландии считался глухоманью, где на побережье находились лишь убогие рыбацкие деревушки с немногочисленными живущими в них горцами. Они были людьми замкнутыми и не любившими чужаков.

Вариант с похищением в Лондоне, по общему мнению, был хотя и рискованным, но более реальным. В ходе обсуждения в качестве промежуточного был принят вариант с захватом мистера Уркварта в пути. Все решится на месте, после проведенной рекогносцировки и получения полной информации о местонахождении фигуранта.

Подполковник Щукин составил список необходимого снаряжения для путешествия, выписал что-то на отдельный листок, после чего сказал Шумилину, что ему необходимо срочно сгонять на денек в будущее.

А пока «Совет старейшин» занимался планированием, Игорь Пирогов в сопровождении лейтенантов Невельского и Краббе отправился в Кронштадт, чтобы познакомиться поближе с пароходо-фрегатом «Богатырь», на котором им предстояло отправиться в Англию.

Кораблем, который был спроектирован в России и построен на верфи Главного Адмиралтейства в Санкт-Петербурге, командовал опытный моряк капитан-лейтенант Владимир Александрович фон Глазенап. «Богатырь» стал первым русским паровым военным фрегатом с гребными колесами и полным парусным вооружением. По масштабам XXI века это был сравнительно небольшой корабль – водоизмещение примерно 1200 тонн, скорость 8 узлов при индикаторной мощности паровой машины в 240 лошадиных сил.

Вооружение парохода состояло из 31 пушки. В их числе были два пудовых единорога, которые располагались на поворотном деревянном станке на верхней палубе в носовой части. Дальность их стрельбы была около полутора километров. В кормовой части «Богатыря» на поворотной деревянной платформе стояло двухпудовое чугунное бомбическое орудие. Дальность его стрельбы – около пяти километров.

Остальные орудия – 24-фунтовые чугунные пушки на колесных деревянных лафетах – располагались побортно на верхней палубе и батарейной палубе. Дальность стрельбы – около двух с половиной километров.

«Богатырь» нес парусное вооружение фрегата. Подводная его часть до ватерлинии была обшита медными листами, для уменьшения обрастания и гниения корпуса. В общем, корабль, на котором охотники за скальпом мистера Уркварта отправились на британское «сафари», понравился Пирогову.

«Конечно, это не Рио-де-Жанейро, – подумал он, – но корабль сравнительно новый – всего четыре года назад вступивший в строй, и по здешним временам достаточно хорошо вооруженный». К тому же Владимир Александрович фон Глазенап, несмотря на свою молодость – ему было всего двадцать восемь лет – считался старым морским волком. На шлюпе «Моллер» он совершил кругосветное плавание с заходом на Камчатку. Лейтенант Краббе по секрету шепнул Пирогову, что фон Глазенап пользуется доверием императора – в 1838 году он, командуя люгером «Ораниенбаум», с Николаем I на борту посетил Стокгольм.

– Не беспокойтесь, Игорь Сергеевич, – сказал ему лейтенант Невельской, – «Богатырь» – отличный корабль, а команда его хорошо обучена. Капитан-лейтенант фон Глазенап прекрасно знает воды, где нам придется действовать. Все будет в порядке.

– Эх, Геннадий Иванович, – вздохнул Пирогов, – вы ведь сами моряк, и прекрасно знаете, что пока вы находитесь на суше, вы будете переживать и думать – все ли сделано, и не забыли ли вы что-то. А когда выйдете в море – тут уже у вас не должно быть никаких сомнений. Идемте, господа, доложим обо всем подполковнику Щукину...

Новые знакомые

Все были заняты текущими делами, и лишь один Александр Христофорович откровенно бездельничал. Точнее, он лечился, хотя для некоторых беспокойных личностей, к которым принадлежал граф, это работа порой кажется потяжелее разгрузки вагона с углем.

Бенкендорфу очень понравилось место, куда его привез подполковник Щукин. Это был небольшой поселок с одноэтажными кирпичными постройками, расположенный в сосновом лесу. Воздух здесь был чист и напоен ароматом хвои. По поселку бегали рыжие белки. Они были ручными и безбоязненно подходили к людям, маленькими лапками осторожно забирая из их рук орешки.

Сразу по прибытии местный эскулап пригласил Александра Христофоровича в свой кабинет и попросил раздеться. Он внимательно осмотрел графа, отметил его шрамы, оставшиеся после боевых ранений, и, узнав, что Бенкендорф, помимо всего прочего, был дважды контужен, укоризненно покачал головой.

– Надо беречь себя, голубчик, возраст, понимаете – это такая штука... Но ничего, мы вас тут немного подлечим. Будете жить в отдельной палате, ну, а к процедурам приступим прямо сейчас. И еще вам мой совет – побольше гуляйте и спите. Постарайтесь на время забыть о работе и просто отдыхайте. А то я знаю вас, – доктор улыбнулся, – вы и во сне все о службе думаете.

И вот Александр Христофорович стал лечиться. Второй день подряд он послушно выполнял все требования медиков. Лечение в XXI веке было совсем не похоже на лечение века девятнадцатого. Ему не наклеивали противно пахнущие пластыри, не ставили пиявок, не пускали кровь, не давали дурно пахнущие снадобья. Вместо пластырей ему делали ароматные теплые ванны, после которых он засыпал, как младенец. Вместо пиявок ему ставили капельницы – немного неприятно, но все же, в отличие от кровопускания, это не такая уж болезненная процедура. А еще ему делали массаж.

Уже на второй день граф почувствовал, что боли в груди стали потихоньку затихать. Он начал дышать более глубоко и свободно, и теперь, по утрам гуляя по парку, он, с наслаждением вдыхая душистый смолистый воздух, и с улыбкой наблюдал за смешными прыжками рыжих хвостатых шалуний. Ему нравилось кормить белочек из рук. Те, схватив с его ладони орешек, быстро мчались вверх по стволу сосны, ища место, куда можно было спрятать полученный подарок.

А вот не думать о своей работе и о государе у Бенкендорфа как-то не получалось. Он все время переживал – как там справляется со всеми его делами III отделения новый заместитель майор Соколов. Да-да, уже не ротмистр, а майор. Накануне отправки в будущее император сказал графу в приватной беседе, что со дня на день он поздравит ротмистра чином майора. Конечно, Соколов умный молодой человек, да и пришельцы из будущего ему помогут в случае чего. Но все же на душе у графа было как-то беспокойно.

Впрочем, уважаемый Антон Михайлович обещал, что если что-то случится, то он непременно сообщит графу по прибору, который передает на расстояние человеческий голос. Здесь этот прибор называют телефоном.

На третий день пребывания Александра Христофоровича в этом поселке, к нему неожиданно пришли гости. Одного из них граф хорошо знал – это был подполковник Щукин. А вот второго он раньше никогда не видел. Это был высокий мужчина лет пятидесяти–шестидесяти, худощавый и улыбчивый. По тому, как обращался к нему Олег Михайлович, Бенкендорф понял, что он в здешнем мире является большим начальником. Но это не президент Путин – портрет правителя России XXI века Бенкендорф видел в кабинете у доктора. Тогда кто же он?

Увидев беспокойство на лице графа, Щукин успокаивающе поднял руку.

– Нет, Александр Христофорович, – сказал он, – в Петербурге все в порядке, все живы и здоровы. Государь передает вам привет и пожелание побыстрее поправиться. Просто мне срочно понадобилось по нашим общим делам вернуться в будущее. Пользуясь оказией, я решил заглянуть к вам и передать вам поклон от всех ваших друзей.

– Большое спасибо вам, Олег Михайлович, за заботу, – ответил Бенкендорф. – Сказать по чести, ваши доктора – просто чародеи. Я словно помолодел на несколько лет. Думаю, что лечение пойдет мне на пользу, и скоро я буду готов снова трудиться на благо императора и нашей матушки-России.

– Вот и отлично! – воскликнул Щукин. Потом он покосился на своего спутника и, дождавшись его едва заметного кивка, добавил: – Александр Христофорович, позвольте вам представить – Сергей Борисович. Он, как и вы, в свое время занимался разведкой и тоже, как вы, генерал.

– Очень рад встрече с коллегой, – произнес Бенкендорф, пожимая руку новому знакомому. – Я думаю, что Олег Михайлович уже представил вам меня?

Сергей Борисович кивнул и жестом пригласил всех присесть на садовую скамейку, стоящую на лесной полянке.

«Я прав, – подумал про себя граф, – этот человек – большой начальник. Уж очень он уверенно держится. Послушаем, что он мне сейчас скажет».

– Александр Христофорович, – Сергей Борисович внимательно посмотрел на Бенкендорфа, – если вы чувствуете себя хорошо, то не могли бы вы рассказать мне о том, каковы ближайшие планы секретных служб Российской империи по ликвидации того, что в наше время называют «горячими точками»? Как вы предполагаете нейтрализовать деятельность британских спецслужб и польских мятежников?

– Как вам известно, Сергей Борисович, – сказал Бенкендорф, – мы запланировали ответный визит в Британию отряда, состоящего как из ваших, так и наших охотников. С моей точки зрения – это весьма рискованное мероприятие. Но в случае успеха британские агенты будут, как вы говорите, «нейтрализованы», причем на длительное время. Я молю Господа, чтобы все задуманное ими свершилось. В то же время я считаю, что риск все же очень велик, и в случае неудачи мы можем лишиться замечательных людей.

– Вы правы и неправы, Александр Христофорович, – немного подумав, произнес Сергей Борисович. – Людей будет, конечно, очень жаль. Но я всегда говорил и буду это повторять раз за разом: если мы знаем, что в том или ином регионе мира готовится террористический акт, направленный против России или ее граждан, то мы оставляем за собой право нанести удар, чтобы предотвратить эту угрозу. И для этого можно использовать все что угодно, лишь бы это было эффективно. Нам уже приходилось в нашей истории прибегать к таким методам. Мы рисковали, в некоторых случаях наши люди попадали в руки полиции и чужих спецслужб. Но мы делали все, чтобы выручить их. Я ведь, Александр Христофорович, как уже говорилось, тоже бывший разведчик. Хотя говорят, что «бывших» разведчиков не бывает. О таких, как мы с вами, хорошо сказано в одном замечательном фильме про разведчиков. Олег Михайлович, этот фильм надо обязательно показать Александру Христофоровичу. Так вот, о разведчиках там говорится следующее:

Нас почитают обманщиками, но мы верны;
Нас почитают умершими, но вот мы, живы;
Нас казнят, но мы не умираем;
Мы гонимы, но не оставлены;
Мы неизвестны, но нас узнают.

– Как хорошо сказано! – воскликнул Бенкендорф. – Чьи эти слова?

– Это из Евангелия, Александр Христофорович, – с улыбкой ответил Сергей Борисович, – из Второго Послания к Коринфянам.

– Грешен, – развел руками граф, – мне в жизни приходилось чаще держать в руках саблю и пистолет, чем Новый и Ветхий Заветы.

– Александр Христофорович, – продолжил Сергей Борисович, – акция в Британии, если она удастся, сыграет большую роль в борьбе против врагов России. Но надо идти дальше. Негоже, что вот уже десятилетия на Кавказе гремят выстрелы и льется кровь. Мы внимательно проанализировали все, что было написано о Кавказской войне, и хотим поделиться с вами нашими предложениями. Но давайте сделаем это после обеда. Видите, эскулапы уже машут нам, приглашая за стол. Перекусим и продолжим беседу...

* * *

Граф Бенкендорф и его гости пообедали в отдельном помещении, где стол для них накрыли молчаливые, но хорошо воспитанные и предупредительные работники санатория. За столом подполковник Щукин все больше налегал на борщ и жаркое с гречневой кашей – видимо, он изрядно проголодался. А Александр Христофорович и его новый знакомый ели не спеша, тщательно пережевывая пищу, при этом обмениваясь короткими фразами, в основном касающимися погоды и красоты места, в котором довелось поправлять свое здоровье старому вояке.

После обеда все трое вернулись на уже знакомую им скамеечку под соснами и продолжили прерванный разговор.

– Сергей Борисович, – сказал Бенкендорф, – нам пришлось прекратить беседу в тот момент, когда мы заговорили о Кавказе. Знаете, мне тут же вспомнилась моя боевая молодость, когда я, тогда еще совсем юный поручик, сражался с немирными горцами в составе отряда князя Цицианова. С той поры прошло почти сорок лет, а война на Кавказе все продолжается. Гибнут люди, страна вынуждена тратить огромные деньги на содержание армии. Как нам остановить эту кровавую вакханалию?

– Видите ли, Александр Христофорович, – ответил Сергей Борисович, – лично мне поехать на Кавказе не пришлось. Но вот сидящий рядом с вами Олег Михайлович имел возможность скрестить шпаги с потомками тех, с кем сражались вы в начале XIX века. Как видите, военные действия ведутся там, с некоторыми перерывами, вот уже больше двухсот лет. Даже сейчас на Кавказе неспокойно. Отдельные шайки бандитов убивают людей, причем чаще всего простых обывателей. Но широкомасштабных боевых действий там, слава богу, нет уже более десяти лет. Вернемся, однако, в ваше время. В нашей истории с войной на Кавказе было покончено в 1859 году, когда имам Шамиль со своими воинами сдался в плен в ауле Гуниб войскам князя Барятинского. Отдельные разрозненные искорки вооруженных выступлений вспыхивали на Кавказе еще некоторое время, но и они были вскоре потушены.

– Князь Барятинский? – усмехнулся Бенкендорф. – Это не тот ли самый молодой повеса, вздумавший приударить за великой княжной Марией Николаевной и за это отправленный государем на Кавказ?

– Он самый, – кивнул подполковник Щукин. – За взятие аула Гуниб и пленение Шамиля император Александр Второй дал ему чин генерал-фельдмаршала.

– Скажите, а почему война с горцами шла так долго? – спросил Бенкендорф. – Ведь силы огромной Российской империи и горсточка небольших горских племен просто несопоставимы.

– Видите ли, Александр Христофорович, – сказал Сергей Борисович, – на сей счет есть множество причин, одна из которых – поддержка сражающихся с Россией горцев иностранными державами. И в первую очередь – Британией. Среди самых активных недругов России был Дэвид Уркварт, который, можно сказать, всю свою жизнь посвятил тому, чтобы как можно

больше вредить нашей державе. Именно к нему в гости на Британские острова скоро отправятся ваши и наши люди. Почему он так страстно, можно сказать, фанатично ненавидел Россию? – это даже для наших историков осталось загадкой. Но факт остается фактом – сэр Дэвид – наш самый опасный враг, и если нам удастся его обезвредить, то это будет большой удачей для России.

– Вы полагаете, что после этого на Кавказе наступит мир? – с сомнением покачал головой граф.

– Ну, на это мы вряд ли рассчитываем, – усмехнувшись, ответил Сергей Борисович, – но то, что на первое время после исчезновения или нейтрализации мистера Уркварта британская поддержка немирных горцев ослабнет – в этом я ни капельки не сомневаюсь. Ведь, как говорят в народе – свято место пусто не будет. Через какое-то время в Британии найдется новый «Уркварт», который продолжит его грязные делишки. Тут надо решать проблему, как у нас принято говорить, комплексно.

– Комплексно – это как? – поинтересовался Бенкендорф. – Мне весьма любопытно было бы услышать ваши рассуждения на сей счет.

– Это значит, – ответил Сергей Борисович, – что надо перехватить пути снабжения немирных горцев. Ведь новейшее оружие поступает к ним извне. А также деньги, которые идут на содержание мюридов, на закупку продовольствия, на подкуп старейшин родов, на выплату жалованья наемникам. Вы же знаете, что вместе с горцами против русских войск сражаются и беглые поляки – участники мятежа 1831 года. Они, конечно, и без денег готовы резать глотки русским, но за деньги им это делать все же гораздо приятней.

Снабжение горцам поступает в основном из Турции. Десятки кораблей с оружием, деньгами и наемниками тайком причаливают к Кавказскому побережью Черного моря и выгружают там содержимое своих трюмов. И чаще всего эти корабли принадлежат Британии. Экипажи на них – тоже британские. Надо организовать вдоль восточного побережья Черного моря патрулирование российских военных кораблей, которые перехватывали бы британские и турецкие суда с грузами для горцев, воюющих с Россией. Грузы и корабли, их перевозившие, следует конфисковывать, а захваченных наемников и экипажи этих кораблей отправлять в Сибирь или куда подальше.

– Вы все правильно говорите. Мы пробовали организовать подобное патрулирование, – кивнул головой Бенкендорф, – но, к сожалению, попытка лишить немирных горцев снабжения из Турции закончилась неудачей. Еще при императоре Александре Первом были высочайше утверждены «Правила для торговых сношений с черкесами и абазинцами». Для торговли с горцами выделялся Керченский порт. Вся торговля должна была вестись под контролем русских чиновников путем обмена товара на товар. Категорически запрещался ввоз на Кавказ медной, серебряной, золотой монеты, ассигнаций (как русских, так иностранных), огнестрельного и холодного оружия, пороха и свинца.

Но англичане, которые числились тогда нашими союзниками, самостоятельно или через турецких контрабандистов поставляли немирным горцам оружие и боеприпасы, соль и хлеб. Из турецкого порта Батум выходило множество небольших парусных судов, которые везли оружие и военное снаряжение. Побережье Черного моря в тех краях изрезано многочисленными мелкими бухточками, в которые могли войти небольшие суда и там разгрузиться. А кораблей Черноморского флота просто не хватало для того, чтобы уследить за всеми этими бухтами.

В 1832 году император утвердил инструкцию для черноморских военных крейсеров, в которой говорилось: «Для сохранения российских владений от внесения заразы и воспрепятствования подвоза военных припасов горским народам, военные крейсера будут допускать к черноморскому восточному берегу иностранные коммерческие суда только к двум пунктам – Анапе и Редут-Кале, в коих есть карантин и таможни, к прочим же местам сего берега приближение оным запрещается».

– И чем же все это закончилось? – поинтересовался Сергей Борисович.

– А закончилось все международным скандалом из-за захвата российскими кораблями британской шхуны «Виксен» у Суджук-Кале, – ответил Бенкендорф, – которую послал к нашему побережью тот самый Дэвид Уркварт. Он был тогда первым секретарем британского посольства в Константинополе. Суть же провокации заключалась в следующем. В случае удаchi плавания «Виксена» этот британец стал бы кричать на каждом углу, что, дескать, Россия де-факто не владеет берегами Черноморского побережья Кавказа, а потому не имеет права владеть побережьем и иметь в качестве подданных народы, которые там живут. Ну, а в случае неудачи между Россией и Британией могла бы начаться война. Правда, не случилось ни того, ни другого. Шуму было много, но когда страсти немного улеглись, шхуну конфисковали, а ее экипаж выслали в Константинополь.

И еще. Министр иностранных дел Нессельроде в случае с «Виксеном» вел себя не самым лучшим образом. И если бы не желание государя во что бы то ни стало отстоять честь Империи, невзирая даже на опасность начать войну с Британией, все могло бы закончиться гораздо унижительней для России.

– И все же без патрулирования побережья обойтись нельзя, – сказал Сергей Борисович, – только подобным способом можно настолько стеснить горцев, что они не выдержат и прекратят сопротивление. После чего им ничего не останется делать, как пойти на переговоры с русским военным командованием. Для того чтобы все это успешней сделать, мы можем выделить для тех частей, которые будут пресекать высадку наемников и контрабандистов на побережье Кавказа, наши технические средства, позволяющие видеть корабли, приближающиеся к берегу, в тумане и ночью. Причем видеть их на большом расстоянии. Кроме того, мы дадим средства связи, с помощью которых с этих постов можно будет передавать координаты обнаруженных судов на патрульные корабли Черноморского флота. Мы обучим ваших людей пользоваться этими приборами.

– Сергей Борисович, – сказал граф, – мы были бы очень благодарны вам за такую помощь. Я обязательно сообщу государю о вашем предложении. Думаю, что оно будет с благодарностью принято. Конечно, стеснить горцев с помощью морской блокады было бы неплохо. Но ведь этого мало. Надо как-то успокоить самих горцев. Не могли бы вы поделиться вашим опытом умиротворения Кавказа?

– Поделиться, конечно, можно, – кивнул Сергей Борисович. – Но лишь после того, как вы подлечитесь. Не беспокойтесь, как я понял из рассказа Олега Михайловича, ваш заместитель майор Соколов прекрасно справляется со своими обязанностями. Сегодня вечером подполковник Щукин снова отправится в ваше время. С собой он возьмет все необходимое для того, чтобы миссия в Британии прошла успешно. А вы отдыхайте и лечитесь. В свое время вы достаточно потрудились на благо России. Ваши раны и тяжелая контузия, полученная в «Битве народов» под Лейпцигом, серьезно сказались на вашем здоровье. Александр Христофорович, может быть, у вас есть какие-либо просьбы и пожелания? Мы будем рады выполнить их.

– Сергей Борисович, – немного подумав, ответил Бенкендорф, – я бы хотел побывать в Москве. Я помню ее еще до пожара 1812 года, помню ее, забитую ранеными французами, помню, как на ее улицах я рубился с польскими уланами – арьергардом отступающей армии Бонапарта. Еще дымились взорванные башни Кремля, а храмы были загажены и ограблены «цивилизованными» варварами.

– Хорошо, Александр Христофорович, – сказал Сергей Борисович, поднимаясь со скамейки, – как только врачи посчитают, что ваше самочувствие значительно улучшилось, я пришлю за вами машину, и вас отвезут в Москву. Вы своими глазами сможете увидеть – как теперь выглядит Первопрестольная, комендантом которой вы стали сразу же после изгнания французов.

* * *

Попрощавшись с Бенкендорфом, Щукин и его спутник отправились к ожидавшей их машине. Они молчали, обдумывая то, что им довелось сегодня услышать. Первым заговорил Сергей Борисович.

– Олег Михайлович, – сказал он, – с графом мы более-менее все обговорили. Думаю, что сейчас Александру Христофоровичу надо как следует подлечиться. Ведь, насколько я помню, в нашей истории граф Бенкендорф скоропостижно скончался в 1844 году от инфаркта. Я не ошибся?

– Это официальная версия, – ответил Щукин, садясь за руль черной иномарки, на которой он с Сергеем Борисовичем приехал в санаторий. – Но поговаривали, что смерть его была не случайной. Впрочем, кто теперь может сказать об этом точно? Важно, чтобы в новой версии истории России этого не произошло. Хотя в любом случае надо осторожно выводить графа из игры, а вместо него пусть спецслужбы империи возглавит ротмистр, пардон, уже майор Соколов. Кстати, каково ваше мнение об этом молодом человеке?

– Мое мнение?.. – Машина тронулась с места, и подполковник на несколько секунд задумался. Потом он ответил: – Мне кажется, что Дмитрий далеко пойдет. Он умен, хорошо образован, инициативен, порядочен и храбр. В последнем я убедился лично, когда нам пришлось обезвреживать британцев, захвативших заложников. Думаю, что со временем он станет так же близок к императору, как и Бенкендорф.

– К тому же, как я слышал, – улыбнулся Сергей Борисович, – ваша дочка с большой симпатией поглядывает на этого молодого человека...

– Гм, – немного сконфуженно ответил Щукин, – пока еще рано об этом говорить. Моя Надежда – девица взбалмошная и непостоянная, как все женщины. Но если между ними возникнет что-то серьезное, то я этому буду только рад. Пора ей подумать о семейной жизни, а мне, наконец, заняться воспитанием внуков.

– Дай-то Бог, – покачал головой Сергей Борисович. – Но это все лирика. Нам же следует подумать о материальном обеспечении всей операции. А потому, как я полагаю, наш следующий визит – к Антону Воронину. Ведь если бы не его изобретение, то вряд ли мы сейчас ломали голову над проблемами XIX века.

– С ним будет труднее, – вздохнул Щукин. – Антон – человек, который не любит работать под контролем. Он по натуре индивидуалист и анархист. Впрочем, он достаточно разумен, чтобы понять пользу от нашего сотрудничества. Надо только разговаривать с ним на равных. И не пытаться диктовать свои условия, воздействуя на его здравый смысл.

В конце концов, он, как изобретатель, желает совершенствовать свое изобретение, а без нашей помощи и поддержки это просто невозможно. Как я выяснил, после строительства машины времени он все внимание уделяет только ей. Свои же коммерческие дела он изрядно запустил, что сказалось на его финансовом положении. И самостоятельно ему просто невозможно продолжить свою работу. И тут появляемся мы – с нашим предложением финансировать его опыты и возможностью достать любые, даже самые дорогие и редкие комплектующие для новых, более совершенных образцов его детища. Как вы полагаете, он поймет всю пользу нашей совместной работы?

– Думаю, что да, – согласился Щукин. – Тем более что он не хочет подвести своих друзей, для которых прекращение контактов с прошлым станет самой настоящей трагедией. Как я понял из вашего доклада, между Николаем Сергеевым и великой княжной Александрой Николаевной возник роман?

– Да, Сергей Борисович, – сказал подполковник. – И, похоже, что чувства у них достаточно серьезные. Жаль будет разлучить этих молодых людей. Для Адими это станет настоящей

катастрофой. Она может не пережить расставания с Сергеевым-младшим. Эта замечательная девушка, умница и красавица, умрет, как это произошло в нашей истории.

– Да, нам будет очень жаль, если это произойдет, – кивнул Сергей Борисович. – А посему нам надо наладить более тесные и взаимовыгодные отношения с императором Николаем Павловичем. И без Антона Воронина никак не обойтись.

Так, за разговорами, они незаметно доехали до дома изобретателя. Накануне Щукин договорился с ним о встрече. Но подполковник не предупредил о том, что будет не один. Потому Антон был сильно удивлен, увидев человека, с которым Олег вошел в его скромную квартиру. Лицо спутника Щукина он сразу узнал – его часто показывали по телевидению в новостных программах. И Воронин никак не ожидал, что человек такого высокого ранга займется в его скромную холостяцкую квартиру.

Но Антон быстро пришел в себя и пригласил гостей за стол, предложив им выпить чашечку чая. Хозяин отправился на кухню, а гости с любопытством стали рассматривать жилище и стоявшую в гостиной машину времени.

– Так вот, как выглядит это чудо, с помощью которого можно попасть в прошлое! – восхищенно воскликнул Сергей Борисович. – Нет, господа хорошие, куда вам до нас, русских! Что только ни придумают современные Левши!

– Если бы вы знали – скольких трудов и бессонных ночей стоило мне это изобретение, – сказал Антон, появляясь в дверях с подносом, на котором стояли три чашки с крепким ароматным чаем и блюдцем с печеньем. – Но вы правы – только мы, русские, способны додуматься до создания машины, с помощью которой можно открыть портал в прошлое.

– Антон Михайлович, – поинтересовался Сергей Борисович, – а портал в будущее с помощью вашей машины нельзя открыть?

– Я не могу утверждать категорически, – ответил Антон, – но пока в будущее моя машина открыть портал не может. Мы установили связь только с прошлым. Возможно, что существуют еще некие временные тоннели, которые связывают настоящее с будущим. Я пытаюсь их обнаружить здесь, в ХХI веке. А в веке девятнадцатом тем же занимается мой друг и коллега Юра Тихонов. Работа идет, и мы надеемся, что со временем нам удастся побывать не только во временах императора Николая Первого.

– Сергей Борисович, – вступил в разговор подполковник Щукин, – пока, дай бог, нам бы разобраться с делами ХIХ века. Я побывал там и увидел, что кашу, которая там заварилась из-за прибытия в прошлое Шумилина со товарищи, придется расхлебывать не один год. Легко сдвинуть камень, лежащий на склоне горы. А потом вниз сорвется камнепад, сметающий все на своем пути.

– А что нам оставалось делать? – развел руками Воронин. – Устраивать межвременной туризм с элементами экстрима? Ведь мы же русские люди, и наблюдать за тем, что происходит в прошлом, хотя и не нашем, мы спокойно не могли!

– Ну, что сделано – то сделано, – примирительно произнес Сергей Борисович. – Как говорили во времена моей студенческой молодости: «Если боишься – не делай, а если начал делать – не бойся». Антон Михайлович, я хочу спросить у вас – можно ли доработать вашу машину до возможности открывать портал не только из нашего времени в прошлое, но и из прошлого – в наше время? То есть сделать портал с двусторонним движением...

– Мы сейчас работаем над этим вопросом, – ответил Антон, – и, похоже, что мы уже близки к решению этой проблемы. Вот только нам надо будет раздобыть кое-какие дополнительные материалы и комплектующие. Гм... – Воронин покосился на Сергея Борисовича, – а с деньгами у меня сейчас негусто. Придется немного подождать.

– Антон Михайлович, – сказал его визави, – вам следует просто составить ведомость, передать ее Олегу Михайловичу, указав в ней – сколько и чего вам необходимо. И все требуе-

мое будет вам доставлено в самое ближайшее время... – заметив, что Антон хочет что-то сказать, Сергей Борисович добавил: – Ни о каких деньгах не может быть и речи...

– Это что же, – нахмурился Воронин, – вы нас на казенный кошт берете? А потом будете диктовать – что и как нам делать?!

– Ну, зачем вы так сразу? – укоризненно сказал Сергей Борисович. – Никто вам ничего навязывать не будет. Наоборот, вам будет оказана максимальная поддержка при минимальной зависимости от кого-либо.

– Не понимаю, – растерянно пробормотал Антон, – в чем же тогда вы видите государственный интерес? Простите, но меня мой жизненный опыт научил народной мудрости – той самой, в которой говорится про халявный сыр, лежащий в элегантной мышеловке...

– Я понимаю ваше недоверие, – спокойно ответил Сергей Борисович. – Тяжелые времена, которые пришлось пережить вам лично в не столь далекие годы, приучили вас не доверять никому, кроме вас самих и ваших друзей. Потому скажу вам сразу – государственный интерес в том, что вы сейчас делаете, присутствует. Какой именно – я вам сообщу, но чуть позже. Не обижайтесь, но пока сие тайна.

Ну, а помимо всего прочего, замечу, что нам так же, как и вам, хочется помочь русским людям, хотя и живущим в другой реальности. Чтобы не было ни проданных за бесценок Форт-Росса и Аляски, чтобы никогда французские флаги не были подняты над Малаховым курганом, а адмиралы Нахимов, Корнилов и Истомин не сложили головы в осажденном Севастополе, а прожили столько, сколько им Господь отмерил.

– Знаете, Сергей Борисович, – тихо произнес Антон, – я вам почему-то верю. Я не буду допытываться насчет ваших государственных тайн, полагаю, что они связаны с благими намерениями. А России надо помочь. Мы с Шумилиным прекрасно понимаем, что в одиночку нам ничего не сделать – тут нужна поддержка государства.

– Антон, – вступил в разговор подполковник Щукин, – ты же умный мужик. Сам подумай – решит та же Британия наказать строптивую Россию. Двинет она на нас весь свой огромный флот. Чем мы одни сможем помочь императору Николаю? Советы – вещь хорошая, но ими одними вражеский флот не разгромить. Тут нужна реальная сила. И ее может предоставить только государство.

– Это что же, – криво усмехнулся Антон, – «Тополем» шандарахнуть по Лондону? Или с помощью атомной подводной лодки помножить на ноль британский флот?

– Ну, из пушки по воробьям стрелять ни к чему, – улыбнулся Сергей Борисович, – а вот поделиться тем, что уже морально устарело, но что для века девятнадцатого будет, как принято говорить сейчас, «вундервафлей» – вполне реально.

Взять, к примеру, устаревший танк Т-62. Что может противопоставить ему любая, пусть даже самая мощная сухопутная армия того времени? А САУ «Акация»? Да она любой вражеский флот просто расстреляет в море, даже не дав ему приблизиться к нашему берегу. Я не говорю уже об авиации, которая вообще играючи разнесет в пух и прах сухопутные войска и эскадры врага. Но все это отдельная тема, которую можно будет обсуждать лишь тогда, когда удастся наладить стабильный переход из прошлого в будущее и наоборот. А это можно сделать лишь с вашей помощью, Антон Михайлович.

Воронин немного подумал, улыбнулся и протянул руку своему гостю. Тот пожал ее.

– Антон, – сказал Щукин, – а для начала мы тут собрали кое-что для Иваныча. Ну, и для нас тоже. Набрался целый грузовик. Ты сможешь пропихнуть его сегодня вечером?

– Надо – сделаем, – кивнул Антон. – Ты подъезжай вечером ко мне. Мы прикинем – как и где это все проверить.

– Антон Михайлович, – спросил Сергей Борисович, – а мне можно будет посмотреть на то, как это все происходит? Ну, это, перемещение во времени. Очень уж это любопытно.

– Да ради бога, – пожал плечами Антон, – почему бы и нет...

И хочется, и колется...

Когда подполковник Шукин и его спутник ушли, Антон немного посидел на диване, внимательно обдумывая все услышанное сегодня, а потом отправился на кухню. Он открыл шкафчик, достал из него початую бутылку коньяка и налил на два пальца себе в стакан.

«За успех нашего дела!» – подумал он про себя и сделал небольшой глоток божественного напитка.

Честно говоря, узнав от своего друга о том, что все они, оказывается, уже давно находятся «под колпаком конторы», он поначалу запаниковал. Ему подумалось, что «кровавая гэбня» загасит их всех, а самого изобретателя бросит в подвалы Лубянки, где с помощью жутких пыток выведает у него тайну машины времени. Но, с другой стороны, без поддержки богатого, а главное – влиятельного, спонсора тоже никак было не обойтись. Все упиралось в деньги и возможность приобретать многие вещи, которые в магазине не купишь. А теперь, получив карт-бланш от руководства страны, появилась возможность развернуться во всю ширь своей щедрой души.

В бескорыстие Антон не верил – он был человеком достаточно циничным и битым жизнью. И, несмотря на то, что Сергей Борисович не стал отвечать на его прямой вопрос о государственном интересе, который присутствовал в его изобретении, он догадался, что именно заинтересовало руководство страны. Дело даже не в деньгах и возможности получать раритеты напрямую из XIX века. Тут было не все так просто.

Допустим, напишет наш общий друг Карл Брюллов новый шедевр. Конечно, можно залегендировать его появление в XXI веке, заявив, что сия находка обнаружена в запасниках захудалого провинциального музея. Подлинность ее не вызовет ни у кого сомнения. Но продать ее за деньги, которые она, несомненно, стоит, невозможно. Экспертиза установит, что картина эта написана не сто семьдесят лет назад, а на днях. Примерно так же обстоят дела и с прочими предметами антиквариата. Они будут подлинными, но в то же время – новоделами.

Антон был человеком умным. Он понял, что интерес государства в его изобретении кроется в другом. А именно – в возможности открывать портал не только из будущего в прошлое, но и из прошлого в будущее. Если это удастся, то возможно полное изменение всего военно-стратегического расклада в мире. Допустим, через портал, открытый в XXI веке, в прошлое отправляется с десяток «Тополей» и «Искандеров». Там их перегоняют на Аляску, которая все еще российская, или в другие места, находящиеся под контролем России. И они стоят там до поры до времени в законсервированном состоянии. В точки их базирования устанавливают машину времени. В случае «дня X» с помощью машины времени в непросматриваемой из космоса точке на земном шаре из прошлого в будущее уходят ракеты со спецбоеприпасами, которые становятся своего рода «козырем в рукаве».

Возможно, что все будет не совсем так, как думал Антон. Главное – общий замысел он понял. Возможно, что в прошлое можно было, в случае необходимости, эвакуировать и часть руководства страны. В таком надежном «бомбоубежище» им будет не страшна никакая ядерная угроза.

«Но если это так, – подумал Антон, – то мне и друзьям безопаснее будет находиться в XIX веке с его патриархальными понятиями о чести, доброте и дружбе. Да и люди там были интересные, не похожие на моих современников. В общем, будем работать над изобретением, а там посмотрим...»

Вечером к нему заехал подполковник Шукин. Он был в хорошем настроении. Как оказалось, после предъявления грозной бумаги из Москвы питерские снабженцы открыли перед ним свои закрома и выложили все, что он запросил. А запросы у Олега были немалые. В общем, понадобился тентованный «Садко» – ГАЗ-3308. Именно на нем Шукин и собрался отправиться в прошлое.

– А где наш сегодняшний гость? – поинтересовался Антон. – Он вроде бы желал посмотреть на работу портала. Или передумал в последний момент?

– Нет, дружище, – улыбнулся подполковник. – Он на улице, ждет нас в своем автомобиле. Так что давай, собирайся, пора в путь-дорогу.

Открыть портал в этот раз решили в боксе автомастерской Виктора Сергеева. Не хотелось лишний раз светиться в Кировске. Да и договаривались они с Иванычем в прошлый раз о портале на Черной речке. Просто Олег даже не предполагал, что в этот раз у него будет такое «приданое».

Выйдя на улицу, Антон заметил в припаркованном рядом с «Садко» неприметном «форде» сидящего за рулем Сергея Борисовича. Тот улыбнулся Антону и помахал рукой, приглашая в автомобиль.

– Иди, иди, – кивнул головой Щукин, открывая дверцу в кабине «Садко». – Дорогу к автомастерской я знаю, а ты, если что, покажешь Сергею Борисовичу, как доехать. Ну, и посекретничаешь с ним без меня, – подполковник хитро подмигнул Антону.

Все расселись по машинам и тронулись в путь. Первым ехал грузовичок, а за ним не спеша «форд». Посмотрев в зеркало, Антон заметил синий «мерин» с обычными городскими номерами, в котором сидели четверо мужчин. Он словно привязанный следовал за ними. Антон понимающе усмехнулся и первым прервал немного затянувшееся молчание.

– Сергей Борисович, – спросил он, – а вы не собираетесь побывать в прошлом и лично познакомиться с императором Николаем Павловичем?

– Вполне возможно, но пока для этого путешествия не пришло еще время, – спокойно ответил его собеседник, – со всеми текущими делами пока неплохо справляется и Олег Михайлович. Ну, а если понадобится мое присутствие, то такая встреча состоится.

– Скажите, Антон Михайлович, – в свою очередь поинтересовался Сергей Борисович, – легко ли вам было найти общий язык с людьми из XIX века? Я имею в виду, не в ходе деловых разговоров, а, так сказать, на бытовом уровне. Ведь мы и мыслим по-другому, и поступки наши могут для человека времен Пушкина и Лермонтова показаться странными.

– Эх! – неожиданно вырвалось у Сергея Борисовича. – Если бы вы только знали – как мне хочется побывать в Питере того времени! Но дела, дела... Хотя все же постараюсь вырваться, хотя бы на денек.

– Я понимаю вас, – ответил Антон. – Для нас тоже поначалу все показалось необычным и странным.словно какая-то историческая театральная постановка. Только люди в ней неожиданно оказались живыми. Непохожими на нас, но живыми. И император Николай – тоже совсем не похож на оживший памятник с Исаакиевской площади. Он оказался человеком довольно своеобразным, конечно, но все же весьма симпатичным и приятным в общении. Думаю, что вы с ним тоже нашли бы общий язык.

Сергей Борисович кивнул головой и о чем-то задумался. Потом он опять спросил у Антона:

– А как вы считаете, не опасна ли будет для вас фронда, которая, как я понял, складывается в высших слоях петербургского общества после отставки Нессельроде? Ведь многие сановники и богатые люди были тесно связаны с ним. И наверняка они теперь готовят реванш. Я бы на вашем месте не забывал об этом. Сколько раз в русской истории бывало так, что некто, почувствовав, что находится в фаворе, терял осторожность, оказывался свергнутым и сосланным к черту на кулички. Вспомните того же князя Меншикова...

– Ну, Сергей Борисович, – задумчиво произнес Антон, – как мне кажется, сейчас наблюдается несколько иная расстановка сил. Во-первых, мы пришли из будущего и знаниями этого будущего поделились с императором. Во-вторых, он сам побывал в будущем и убедился, что мы не какие-нибудь шарлатаны, а люди, которые искренне желают помочь России и императору. Ну и в-третьих, он убедился, что мы делаем все абсолютно бескорыстно, не требуя награды

за свои полезные для империи и лично для самого царя дела. Главное в отношениях с ним – это честность. Николай – человек, который внутренне чувствует искренность или неискренность собеседника. Он ценит первое и не прощает людям второе. Это вам, Сергей Борисович, на заметку. За предостережения же – спасибо. Только об этом лучше рассказать Александру Шумилину – он взял на себя все дела, связанные с политесом. А я – простой технарь, который в первую очередь отвечает за безотказную работу агрегата.

Так, за разговорами, они незаметно доехали до автосервиса Сергеева, в одном из ангаров которого и находилась машина времени. Следовавший за ними «мерседес» отстал, и «Садко» с «фордом» подрулили прямо ко входу в ангар. Антон вылез из иномарки, открыл ворота и врубил электричество. Сергей Борисович и Олег вошли в ангар, с любопытством огляделись. Машина времени, которую Сергей Борисович уже видел в квартире Антона, особого любопытства у него не вызвала. А вот склад одежды XIX века за ширмой, в которую путешественники во времени переодевались перед тем, как пересечь портал, его заинтересовал. Он покрутил в руках трость, с любопытством осмотрел висящий на плечиках сюртук и примерил перед зеркалом цилиндр.

Щукин тем временем завел двигатель «Садко», сел за руль и аккуратно вкатил грузовичок в ангар. Антон рукой указал ему место, где должен был стоять автомобиль. Потом двигатель заглушили, Антон уселся за пульт управления и начал священнодействовать. Вскоре в центре ангара появилась маленькая изумрудная точка, начавшая увеличиваться и превратившаяся через несколько минут в огромный овал. Портал открылся.

Антон увидел, что встречать прибывших из будущего пришли не только его приятели – Виктор Сергеев и Александр Шумилин. За их спинами возвышалась могучая фигура императора Николая Павловича. Он с интересом смотрел на автомобиль, который снова завел Олег и который был готов тронуться с места.

Но еще большее любопытство вызвал у него незнакомец – Сергей Борисович, – который с нескрываемым изумлением наблюдал за всем происходящим. Хотя тот и ничем не выделялся из доселе известных Николаю людей из будущего ни одеждой, ни поведением, император каким-то образом почувствовал, что перед ним стоит человек из тех, кого называют «власть предержащими», то есть имеющими отношение к правителям России XXI века. Хотя они и не были представлены друг другу, но Николай неожиданно улыбнулся и, подняв руку к своей треуголке, поприветствовал незнакомца. Сергей Борисович, в свою очередь, полупоклоном головы приветствовал царя.

«Садко» медленно проехал через портал и, повернув налево, остановился у края полянки. Олег вылез из кабины, подошел к своим товарищам и поздоровался с ними. Потом, заметив обмен приветствиями между императором и Сергеем Борисовичем, улыбнулся и махнул рукой Антону, давая ему понять, что сеанс межвременной связи окончен и можно закрывать портал.

Изумрудный овал стал уменьшаться и скоро превратился в яркую точку. Потом потухла и она.

* * *

Вернувшегося из будущего подполковника Щукина встречали как именинника. Все были удивлены количеством разных «вкусняшек», которые он притащил с собой. И это только при первом, поверхностном ознакомлении. Окончательно оценить «гостинцы», с общего согласия, было решено позднее, когда «Садко» разгрузят и его груз перевезут на конных фурах в Аничков дворец. А сам грузовичок до поры до времени решили загнать в построенный для подобных случаев большой бревенчатый сарай, в двухстах метрах от точки открытия портала.

Здесь же плотники под руководством хозяйственного Виктора Сергеева срубили теплую избу с печкой, в которой жил караул солдат Преображенского полка. Все служивые были тщательно отобраны командиром полка бароном Иваном Ивановичем Мунком. Это был боевой офицер и педант, как и все финны. Он тщательно собрал информацию о всех кандидатах, которые должны были поступить на «особую государеву службу». Потом майор Соколов лично побеседовал со служивыми и прогнал их всех через полиграф. По результатам тестирования троих из пятнадцати кандидатов отправили обратно в полк, а полковой священник заставил всех прошедших отбор и получивших шутовское прозвище «апостолы», целовать крест и поклясться, что обо всем увиденном и услышанном на новом месте службы они до самой смерти не расскажут никому. На всякий случай Соколов вместе с Шумилиным воткнули в избу-казарму для преображенцев несколько скрытых микрофонов и видеокамер, и теперь все их разговоры будут время от времени прослушиваться, а все происходящее – просматриваться.

Николай с любопытством разглядывал «Садко», который стоял на полянке, расставив свои толстые, рифленые в «елочку» колеса. Во время своего путешествия в будущее император заметил на улицах Петербурга грузовые машины, но вот так, вблизи, ему их видеть еще не доводилось. А когда Щукин, стоящий рядом с «Садко» с видом цыгана, продающего на ярмарке лошадь, сказал Николаю, что сия «шайтан-арба» может везти в своем кузове сто двадцать пудов груза со скоростью шестьдесят верст в час по хорошей дороге, то император с уважением посмотрел на грузовичок и бережно провел ладонью по его запылившемуся капоту.

– Олег Михайлович, – поинтересовался царь, – а нельзя купить сотни две-три таких самодвижущихся повозок для нужд российской армии? Ведь, как я слышал, для таких повозок и плохие дороги – не помеха.

Щукин прикинул, что каждый «Садко» стоит около миллиона рублей, и количество, названное Николаем, вполне по силам российскому бюджету, но обнадеживать царя не стал, отделившись обещанием доложить вышестоящему начальству о поступившем предложении.

Вскоре прибыли три полковые фуры. Преображенцы, увидев императора, спрыгнули на землю и вытянулись перед своими «транспортными средствами» по стойке «смирно». Николай, изображая заботливого, но строгого «отца-командира», поздоровался с солдатами, поблагодарил их за бравый вид, а потом, еще раз напомнив о сохранении тайны, велел начать разгружать грузовик.

Виктор Сергеев стал распоряжаться процессом, по-хозяйски покрикивая на служивых. В нем снова проснулся тот, еще молодой зампотех, который в далеком Афгане крутился как белка в колесе, дабы вся его техника, побитая и раздолбаная до полного «ай-яй-яй», могла сдвинуться с места и начать выполнять боевую задачу. Солдаты, сразу поняв, что этот пожилой человек в статской одежде был когда-то офицером, беспрекословно исполняли все его указания.

– Как я понял, – сказал Николай, – отойдя с подполковником Щукиным в сторонку, – ваше руководство не возражает против того, чтобы вы возглавили и провели операцию в Британии. Ведь большинство снаряжения и амуниции, которое вы привезли с собой, предназначено для того, чтобы ваш вояж оказался удачным.

– Ваше величество, – ответил Олег, – я подробно сообщил своему руководству о нашем плане. Его признали рискованным, но вполне выполнимым. По расчетам аналитического отдела нашей службы, после того, как мистер Уркварт будет захвачен и тайно доставлен в Россию, активность британской агентуры на Кавказе значительно снизится.

– А что такое аналитический отдел? – полюбопытствовал император. – Как я полагаю, это отдел, который занимается анализом и оценкой политических и разведывательных сведений, полученных от агентов.

– Именно так, ваше величество, – Щукин оценил «продвинутость» царя. – Агенты могут добыть важную информацию, но оценить и понять всю ее важность могут люди, которые

хорошо разбираются в политических и военных вопросах. Наши аналитики собрали все, что было известно в нашей истории о мистере Уркварте, и пришли к выводу, что с его устранением от антироссийских дел британцам будет очень сложно нам делать разные гадости. Ведь им снова придется налаживать связи с мятежными горцами, а ведь многие из них завязаны на личных взаимоотношениях. Горцы бывают порой весьма недоверчивы к новым людям.

– Все так, Олег Михайлович, все так, – покачал головой Николай. – Но меня беспокоит то, что риск все же присутствует, и – «*A la guerre comme a la guerre*» – возможны разные неприятности. А мне бы очень не хотелось, чтобы кто-нибудь из вас был ранен, или не дай бог... – император выразительно посмотрел в глаза Щукину.

– Ваше величество, – ответил Олег, – среди участников этой операции будет моя дочь, а также сыновья моих друзей, которые мне тоже очень дороги. Но, по моему соображению, только они смогут совершить то, что нами задумано. Их этому учили. А ваших солдат и офицеров – нет. Я обещаю, что, вернувшись из Англии, начну обучать специально отобранных для этого людей всему тому, что должны знать бойцы спецподразделений. Я чувствую, что поход в Британию не последний, и что надо серьезно готовиться к подобным спецоперациям. Ведь, кроме Англии, есть Кавказ, Туркестан и прочие места, где должны быть надежно защищены интересы Российской империи. И там, где с поставленной задачей не справится пехотный полк, ее сможет выполнить спецгруппа, которая, подобно иголке, проникнет туда, куда надо.

– Я подумаю над тем, что вы мне сейчас сказали, – сказал Николай, – и хочу предложить вам возглавить их. Обещаю вам генеральское звание и графское достоинство. Впрочем, как я понимаю, свое согласие на переход на службу ко мне вы сможете дать лишь с разрешения вашего руководства.

– Вы правы, ваше величество, – ответил Щукин. – Мы люди военные и не всегда вольны в своих желаниях. Но давайте не будем забегать вперед. Да, кстати, вот вам, ваше величество, письмо, которое написал для вас граф Бенкендорф. Он сейчас проходит курс лечения в одном из наших санаториев и чувствует себя гораздо лучше.

Щукин достал из кармана большой пластиковый конверт и передал императору. Николай вскрыл его и бегло прочитал послание графа. Лицо царя стало умиротворенным – видимо, Александр Христофорович писал приятные для него вещи. Потом он снова стал серьезным и внимательно посмотрел на Олега.

– Скажите, – спросил Николай, – вас провожал сюда тот же человек, с которым беседовал граф?

Щукин утвердительно кивнул головой. Император задумался. Он посмотрел на солдат, которые уже заканчивали разгрузку «Садко» и укладывали ящики и тюки на полковые фуры, на суетившегося вокруг них Виктора Сергеева, на Шумилина, который стоял невдалеке от них и делал какие-то пометки в своем блокноте.

Потом Николай снова взглянул в глаза Олегу.

– Олег Михайлович, – сказал царь, – если до сих пор у меня и были какие-то сомнения на ваш счет, то теперь они окончательно исчезли. Я буду рад, если между вашим руководством и мною будет заключен союз. Ведь мы две России – одна из XIX века, вторая – из девятнадцатого. Но в любом случае мы дети России. Мы родственники, и мы можем и должны помогать друг другу. Если моя держава сумеет в чем-либо помочь вашей державе – я буду счастлив. А вы уже оказываете мне помощь. Быть же должником я не люблю.

– Ваше величество, – доложил Николаю Виктор Сергеев. – Погрузка закончена. Служивые проинструктированы, что везти груз надо не спеша и аккуратно. Осталось только отогнать в сарай грузовик и можно трогаться в путь. А там начнем сборы в другое путешествие. Пора – старая добрая Англия заждалась нас...

Первый шаг к цели

Третий день пароходо-фрегат «Богатырь» рассекал своим форштевнем серые волны Балтийского моря. Погода благоприятствовала походу, дул ровный попутный ветер, и практически все время корабль шел под парусами...

После того как из будущего было получено снаряжение, необходимое для опасного вояжа, сборы пошли в ударном темпе. Уже на следующий день после прибытия подполковника Щукина все грузы и участников британской экспедиции на быстроходном паровом катере перебросили в Кронштадт. Игорь Пирогов, который уже успел стать у тамошних моряков своим человеком, помог разгрузиться и с помощью присланных на помощь матросов разместил прибывших на пароходо-фрегате. Конечно, при этом корабельным господам-офицерам пришлось немного потесниться – ведь на «Богатырь» подселили сразу восемь человек, которых, по вполне понятным причинам, нельзя было поместить в жилую палубу для нижних чинов.

На пароходо-фрегат уже погрузили провизию, привезли бочки с вином и ладожской водой – она считалась идеально чистой и могла храниться дольше, чем обычная, – загрузили в угольную яму отборный кардиф. Экипаж под командованием капитан-лейтенанта фон Глазенапа в последний – четвертый – раз обтянул такелаж. Со всеми предосторожностями на корабль погрузили порох и боеприпасы.

Перед выходом в открытое море на «Богатыре» трудились все – даже участники экспедиции лейтенанты фон Краббе и Невельской. Они как могли помогали офицерам «Богатыря» побыстрее подготовить корабль к походу. Надо было бегать по канцеляриям, складам и провиантским магазинам, чтобы в поход пароходо-фрегат вышел, полностью обеспеченный всем необходимым. А вот все остальные чувствовали себя на корабле лишними и старались свободное время проводить на берегу.

Все, кроме Надежды Щукиной. Она с большим любопытством наблюдала за тем, что происходило на борту пароходо-фрегата. Матросы и офицеры поначалу подозрительно косились на странную «девку», которая, как известно всем морякам, приносит в плаванье одни лишь несчастья.

Но когда «черная пантера», переодевшись в джинсы и тельняшку, – кстати, эта «морская душа» появится в русском флоте лишь через двадцать лет – лихо вскарабкалась по выбленкам на грот-марс и на руках потом по вантам съехала вниз, матросики открыли рот от удивления и сразу же зауважали Надежду. Больше всего их удивило, что она абсолютно не боялась высоты. Она прошлась по рее, находящейся на огромной высоте, спокойно, даже чуть пританцовывая, словно это была не корабельная рея, а широкая городская мостовая. Если бы они знали, как она лихо летала на таких штуках, как дельтаплан и парашют!

А когда все увидели, как Надежда, привязав к фок-мачте круглую деревянную мишень, тренируется в метании ножей и сюрикенов, то ее зауважали и господа офицеры.

Надежда везде совала свой любопытный нос: и на батарейную палубу, где были установлены 24-фунтовые пушки, и на жилую палубу, где отдыхала свободная от вахты команда, и в машинное отделение. Скоро к ней все привыкли и даже стали считать чем-то вроде корабельного талисмана.

Накануне прибытия на «Богатырь» пассажиров умер судовой кот, что было плохой приметой. Экипаж погрузился в уныние. И надо же такому случиться, что на следующий день Надежда стояла у борта корабля и смотрела, как с грузового лихтера грузят бочки с солониной на стоящую рядом с пароходо-фрегатом трехмачтовую шхуну.

И тут она неожиданно услышала тихое «мяу». У трапа «Богатыря» стоял, поглядывая с любопытством на нее, симпатичный рыжий кот. Надежда позвала его: «Кис-кис», и кот, мяук-

нув еще раз, гордо поднялся по трапу на палубу корабля и, мурлыкая, стал тереться о ноги девушки.

– Пойдешь с нами в поход? – спросила его Надежда.

– Мяу, – ответил кот, вопросительно посмотрел на свою новую хозяйку, продолжая тереться о ее ноги.

Матросы, вытаращив глаза от изумления, смотрели на удивительную «барышню». Ведь по старому морскому поверью – если кот сам приходил на корабль, то сие означало, что плавание будет удачным, и все вышедшие в море непременно вернутся назад...

А потом наступил день, накануне которого все участники экспедиции съездили в Петербург и были приняты императором. Николай был взволнован и даже не пытался скрывать этого.

– Олег Михайлович, – сказал он Щукину, – я знаю, что вы человек храбрый, не раз смотревший в глаза смерти. Да и ваши спутники тоже не из робкого десятка. Но я прошу вас – если риск будет слишком велик и вам будет угрожать смертельная опасность – плюньте вы на этого Уркварта и возвращайтесь домой. Поверьте, я очень привязался к вам, и если с вами, не дай бог, что-либо случится, то я себе никогда этого не прощу.

– Ваше величество, – улыбнувшись, ответил Олег, – я уверен, что все будет в порядке. Пожелайте нам удачи. И да поможет нам Господь!

На следующее утро в Кронштадте местный батюшка отслужил молебен на «Богатыре», окропив пароходо-фрегат и всю его команду святой водой. Потом был поднят якорь, и корабль вышел в море.

Пройдя траверз южного Гогландского маяка, все вышли на палубу и по старой морской традиции бросили в воду по мелкой медной монете – «в дар Нептуну», – чтобы их плавание было благополучным. Олег, пошарив в кармане, достал рублевую монету, отчеканенную в 2014 году на Петербургском монетном дворе, и, размахнувшись, швырнул ее за борт.

«Вот будет потеха, – вдруг подумал он, – если кто-то, лет так через десять-пятнадцать, найдет ее. То-то Петербургская Академия наук поломает голову, пытаясь объяснить – откуда взялась эта монета. Надеюсь, впрочем, что все же этого не произойдет».

Ветер был попутный, волнение на море практически отсутствовало. Отстояв вахту, люди занимались своими повседневными делами и отдыхали. Много работы было только у штурмана. Балтийское море, за столетия исхоженное русскими кораблями вдоль и поперек, было усеяно мелями и камнями. А потому надо было держать ухо остро и тщательно наблюдать за маяками и навигационными знаками. Самым большим позором для штурмана и командира будет, если корабль сядет на мель.

Но, слава богу, ветер дул в нужном направлении, погода не менялась, и «Богатырь» споро бежал в сторону Балтийских проливов. Вот их-то придется форсировать с помощью паровой машины. На подходе к ним, да и в самих проливах полным-полно коварных мелей и подводных камней. Здесь так же часты туманы, ветра внезапно меняют направления, и парусные корабли порой тратят неделю, а то и больше, чтобы, лавируя, пройти проливы. Потому корабли, оснащенные паровыми двигателями, в теснинах проливов имеют огромное преимущество перед парусниками.

Когда «Богатырь» прошел мимо острова Борнхольм, командир корабля капитан-лейтенант фон Глазенап отдал приказ ввести в действие паровую машину. Из трубы «Богатыря» повалил густой черный дым, зашлепали по воде плиты вращающихся колес, и пароходо-фрегат, послушный рулю, направился к входу в пролив Эресунн. Слева по борту осталась столица Дании – Копенгаген, справа – шведский город Мальмё. Миновав пролив Каттегат, «Богатырь» обогнул мыс Скаген и вскоре, оставив за кормой коварные проливы, вошел в Северное море.

Капитан-лейтенант фон Глазенап, увидев прямо по курсу бескрайнюю водяную гладь, вздохнул, перекрестился и скомандовал штурману сменить карты. Скоро на горизонте должны были показаться берега Туманного Альбиона.

Войдя в Дуврский пролив, или, как его называют французы, Па-де-Кале, «Богатырь» взял курс на Портсмут. Там он и постоит некоторое время в ожидании сигнала, который сообщит дежурившему у радиостанции Игорю Пирогову, что подполковник Щукин и его команда успешно закончили свои дела и требуют принять их на борт «Богатыря». Все будет зависеть от той информации, которую они получают в Лондоне от княгини Ливен.

Портсмут показался на горизонте неожиданно. Он был едва виден сквозь сетку традиционного английского дождя. Раздались свистки боцманских дудок и команды вахтенных офицеров. «Богатырь», чтобы показать лихость русских моряков, под одними парусами вошел в гавань и направился к причальной стенке.

Олег и Надежда с любопытством смотрели на город и порт. Перед ними словно ожили страницы романов Роберта Стивенсона. Кстати, здесь в 1812 году родился Чарльз Диккенс. В позапрошлом году вышел в свет его знаменитый роман «Приключения Оливера Твиста», рассказывающий о мальчишке-сироте из работного дома и его приключениях в трущобах Лондона. Все то, о чем писал Диккенс, им теперь предстояло увидеть своими глазами...

* * *

Через полчаса после того, как «Богатырь» был пришвартован к причалу, а по спущенному трапу на его борт поднялся представитель портового начальства, чтобы уладить с капитан-лейтенантом фон Глазенапом все формальности, со стороны города показалась пролетка-двуколка. На ней в порт прибыл посланник княгини Ливен. Дарья Христофоровна в последнее время проживала в Париже. Но, получив письмо из Петербурга, написанное лично государем, который сообщал о скором прибытии в Англию его доверенных лиц и личных друзей ее любимого брата графа Бенкендорфа, она отправилась в Лондон, чтобы, используя свои огромные связи в высшем свете британской столицы, оказать им максимальное содействие.

Посланец княгини представился как Джейкоб Уайт, но внешность его говорила о том, что он вряд ли является уроженцем Туманного Альбиона. Скорее всего, в детстве его звали Жаком или Джакопо. Впрочем, в сопроводительной записке княгиня Ливен отрекомендовала его как честного и верного слугу. Глядя на лицо «верного слуги», больше смахивающего на физиономию отпетого мошенника, Щукин поначалу засомневался в словах Дарьи Христофоровны. Впрочем, выбора у него не было. К тому же вряд ли такая опытная в секретных делах дама прислала бы к людям, которых государь и ее брат называли своими друзьями, ненадежного человека.

Джейкоб сообщил, что он уже заказал места в карете Почтового ведомства, которая сегодня вечером отправится из Портсмута в Лондон. На ней уедут четверо: Щукин, его дочь Надежда, Вадим Шумилин и Никифор Волков. Николай Сергеев и Игорь Пирогов останутся в Портсмуте и развернут на «Богатыре» небольшую, но мощную радиостанцию, с помощью которой они будут поддерживать связь с Лондоном. В британской столице их встретит княгиня и генеральный консул Егор Карлович Бенкгаузен. Впрочем, часто с ними встречаться не рекомендуется, а потому гостям лучше поддерживать с ними связь через Джейкоба Уайта.

Выслушав посланца княгини Ливен, Олег кивнул и сказал, что он и его спутники будут готовы отправиться в путь через пару часов. Джейкоб пообещал, что он заедет за ними в указанный срок.

Щукин из справки, подготовленной для него историками, знал, что кареты Почтового ведомства в те годы считались в Англии самым безопасным и самым скоростным видом пассажирского транспорта. Они перевозили не только почту, но и всех, у кого были деньги для оплаты места в почтовой карете. На дорогах Британии эти экипажи пользовались особым вниманием.

При приближении к заставе один из вооруженных охранников трубил в горн, и привратник, услышав этот сигнал, бегом кидался открывать шлагбаум, чтобы, не дай бог, не задержать карету. В случае задержки с привратников строго спрашивали. Встречные же кареты спешили уступить ей дорогу, едва услышав звук сигнального горна.

Сами охранники, одетые в алые ливреи, обшитые золотыми галунами с синими лацканами, были вооружены двумя пистолетами и мушкетом. В охранники брали людей бывалых, умеющих обращаться с оружием, не из робкого десятка и ответственных. В случае поломки кареты они обязаны самостоятельно добираться к месту назначения с почтой, хоть на попутных дилижансах, хоть пешком.

Вот на такой карете Щукин, его дочь и Денис с Никифором отправились в путь. С собой они взяли три больших дорожных сундука и столько же саквояжей. В одном из сундуков находилась бережно завернутая в тряпье радиостанция, в остальных – снаряжение, необходимое для выполнения их основной задачи.

В назначенное время охранники и пассажиры заняли свои места в почтовой карете, кучер щелкнул кнутом, и путешествие началось. Продолжалось оно, впрочем, недолго. Переночевав на постоялом дворе и несколько раз сменив лошадей на почтовых станциях, к вечеру следующего дня они уже добрались до Лондона.

Столица Англии встретила их ужасающей вонью. Выгребные ямы, скотобойни – в городе работало более тысячи частных скотобоен – старые кладбища, где, едва присыпанные землей, разлагались трупы умерших лондонцев – все это создавало такой зловонный «букет», от которого с непривычки хотелось зажать нос.

Темза, протекающая через весь город, представляла собой самую настоящую клоаку. До 1815 года домовладельцам категорически запрещалось сбрасывать содержимое выгребных ям в реку. Но потом запрет сняли, и через пять лет, когда во время своей коронации королю Георгу IV вдруг захотелось отведать лосося, пойманного в Темзе, ему не смогли его поймать даже за обещанную щедрую королевскую награду – 30 шиллингов. Вся рыба в реке погибла.

Впрочем, несмотря на ужасную вонь, на берегу Темзы Щукин заметил несколько подrostков, которые, закатав штаны по колено, ковырялись в холодной и вонючей грязи. Увидев его удивленное лицо, Джейкоб пояснил, что это «mud-larks» – «жаворонки из грязи», которые собирают на берегу Темзы угольки, кости, обрывки веревок и ржавые гвозди. Все найденное можно будет потом продать старьевщикам, которые из костей сварят клей, ржавые гвозди, отчистив, сбегут на «блошином рынке». А угольки «жаворонки» унесут домой, где нищие матери сварят на них жидкую похлебку для всей семьи.

Джейкоб сообщил, что он уже нанял для Щукина и его спутников небольшой домик в Ламбете – пригороде Лондона, а также служанку, лакея и кучера. В их распоряжении будет карета и три верховые лошади. Олег поморщился – на лошади он сидел, как собака на заборе. Зато Никифор Волков, услышав об этом, повеселел. Казаку изрядно надоели пешеходно-морские путешествия, и он скучал по седлу и запаху лошадиного пота.

Джейкоб особо подчеркнул, что вся прислуга нанята лично им, и ее честность и порядочность ему гарантировали весьма уважаемые люди. Правда, кто именно – он не сообщил.

На наемной карете они добрались до съемного жилища, расположенного неподалеку от Ламбетского дворца – резиденции архиепископа Кентерберийского. На другом берегу Темзы был виден Вестминстерский дворец. Дышалось здесь немного легче, хотя запах нечистот чувствовался и тут.

– Вот, господа, – Джейкоб указал им на симпатичный двухэтажный домик с черепичной крышей, – это ваше жилище. Располагайтесь и приведите себя в порядок. А вечером я вместе с вами отправлюсь с визитом к княгине Ливен.

Прибежавшие встречать своих новых хозяев слуги – лакей Гарри, служанка Сьюзен и конюх Мэтт, помогли внести в дом дорожные сундуки и саквояжи. Сьюзен сразу же увела

Надежду в ее комнату, а Гарри – представительного вида рослый мужчина средних лет – предложил мужчинам снять дорожную одежду, чтобы почистить ее.

– Если вы хотите принять ванну, то велю Сьюзен нагреть воду, – сказал Гарри, – но вам придется немного подождать. Или джентльменам достаточно будет сполоснуться в тазике?

Олег махнул рукой, дескать, и без ванны как-нибудь обойдемся. Он знал здешние обычаи, согласно которым в одной и той же воде в ванной мылись все члены семьи.

Вадим шепнул на ухо Щукину, что Гарри чем-то похож на дворецкого Берримора, из сериала о Шерлоке Холмсе. А вот конюх Мэтт держался с ними попросту. Он сразу понял, что из всех присутствующих с ним будет иметь дело в основном Никифор. Казак, с разрешения подполковника, отправился с Мэттом в конюшню. Там он, абсолютно ничего не понимая по-английски, быстро нашел общий язык с Гарри. Недаром русская пословица гласит: «Свояк свояка видит издалека».

Олег с Вадимом, сполоснув лица в медном тазе, расположились за большим дубовым столом и стали думать – что им делать дальше. Желательно было не откладывать дела в дальний ящик, а с ходу начать охоту на мистера Уркварта. Но только где окопался этот зловредный шотландец? Без помощи княгини Ливен и ее друзей трудно будет найти его в огромном городе.

– Олег Михайлович, – заметил Вадим, – мне кажется, что такая продувная бестия, как мистер Джейкоб, сможет иголку найти в стогу сена, а не довольно известного и уважаемого в своих кругах человека в Лондоне. Лицо у него такое, что хочется кошелек засунуть поглубже, застегнуть его на молнию, да еще и заколоть булавкой.

– Вадим, – улыбнулся Щукин, – как говорил один известный германский разведчик, «в нашем деле нет отбросов – есть кадры». По нашим с тобой карманам он шмонать не будет, а какими способами он найдет местожительства этого земляка Несси – нас не касается. Вон, кстати, и наша мадемуазель спускается. Видел бы кто-нибудь из ее знакомых в таком костюме – ей-богу, умер бы со смеху.

Но Олег Щукин был явно несправедлив к своей дочери. В хорошо сшитом вечернем костюме Надежда выглядела настоящей красавицей. Жаль, что сейчас с ними не было майора Соколова – он бы по достоинству оценил красоту своей избранницы.

– Ну что, папа, скоро прибудет мистер Джейкоб, и мы отправимся на аудиенцию к княгине? – поинтересовалась Надежда. – Кстати, мы возьмем с собой что-нибудь из оружия?

– Все бы тебе пострелять, – проворчал Олег, – мы ведь сюда не для этого приехали. Захватим пару пистолетов и что-нибудь из колюще-режущего. А то встретится нам предшественник Джека-Потрошителя, а нам его нечем будет и порадовать.

– Олег Михайлович, – с улыбкой сказал Вадим, – если он осмелится и нападет на вашу дочку, то мне будет его жалко. Наденька этого Потрошителя на раз-два сама выпотрошит. А если серьезно, то надо держать ухо востро. Уличных бандитов можно особо и не бояться, а вот если известие о нашем прибытии каким-то способом дошло до наших оппонентов... Вот тогда придется палить с двух рук в стиле Джеймса Бонда.

– Будем надеяться на лучшее, – махнул рукой Щукин. – К княгине же мы отправимся втроем. Никифор останется здесь и будет охранять дом и наше имущество. Думаю, если что, он сумеет дать отпор незванным гостям. ...А вот, кажется, и наш друг Джейкоб приехал. Надо собираться. Нельзя заставлять ждать такую приятную во всех отношениях даму, как Дарья Христофоровна Ливен...

* * *

Адини не присутствовала на проводах тех, кто отправился в опасную экспедицию в Англию. И совсем не потому, что император намекнул дочери, что, дескать, для нее будет лучше, если она побудет в это время в своих покоях. Адини испугалась того, что не сможет

сдерживать своих чувств и на глазах у всех бросится на шею Николя. А это могло закончиться большим скандалом. Можно, конечно, что угодно думать о чувствах, которые царская дочь питает в отношении простолюдина, пусть он даже и гость из будущего, но публичная демонстрация этих чувств...

В общем, Адини закрылась в своей комнате, отказалась от обеда и ужина, и весь день проплакала. Вечером к ней зашел папá, присел рядом с ней на диван, тяжело вздохнул, погладил по голове. Он хотел было что-то сказать дочери, но промолчал, и минут десять молча сидел рядом ней.

Первой не выдержала Адини.

– Папá, а если с ними что-то случится? – прошептала она и всхлипнула. – Ведь эти англичане такие злые. Как мне рассказывали, именно они виноваты в том, что злодеи убили моего дедушку...

– Все в руке Божьей, доченька, – тихо сказал император, ласково погладив ее по голове, – они отправились в опасное путешествие, а нам остается лишь молить Господа, прося его сберечь их жизнь. Молись и ты... Господь милостив, он поможет тем, кто сражается за правое дело. К тому же и господин Щукин, и Николай уже понюхали пороха, и они знают – как надо себя вести в опасных ситуациях.

– Надежда рассказывала мне, – Адини вытерла предательскую слезу, стараясь, чтобы отец не заметил этого, – что ее батюшка был дважды ранен на войне, причем последний раз тяжело. А Николя лишился глаза. А ведь они могли тогда и погибнуть...

Слезы снова потекли из глаз Адини, и она их уже больше не скрывала.

Николай снова вздохнул, и ему на память пришли слова из поэмы господина Грибоедова «Горе от ума»: «Что за комиссия, Создатель, быть взрослой дочери отцом!» Как-то незаметно его любимая дочь выросла, и теперь она уже не забавная девочка-подросток, а настоящая барышня, которую года через два можно выдать замуж. К тому же, похоже, что она уже сделала свой выбор.

Николай давно замечал, что Адини весьма равнодушна к Сергееву-младшему, равно, как и он к ней. Поначалу император не придавал всему этому большого значения, считая чувства дочери обычной девичьей влюбленностью. Но, как оказалось, он ошибался – все оказалось гораздо серьезней. Адини не на шутку влюбилась в пришельца из XXI века. И теперь Николай ломал голову – как ему следует поступить.

Ничего толком не придумав, он опять вздохнул и прямо спросил у дочери:

– Адини, скажи мне – ты любишь Николая?

– Да, папá, – ни на мгновение не задумавшись, ответила Адини. – Люблю и не могу жить без него. Если с ним что-нибудь случится... – она замолчала и снова залилась слезами.

Император покачал головой. Если сказать откровенно, то будь Николай Сергеев представителем какой-нибудь, пусть даже самой захудалой правящей династии, то он бы не задумываясь согласился на его брак с Адини. Но Николай был, несмотря на свои несомненные достоинства, всего-навсего младшим офицером, сыном отставного майора. А ведь он, император, уже как-то заявил: «Романовы никогда не будут жениться и выходить замуж за своих подданных». «За своих подданных...» Гм... А ведь Николай Сергеев не был его подданным! Стоит подумать над этим...

– Успокойся, Адини, – сказал он дочери, – все будет хорошо. Я верю, что те, кто отправился в Англию, выполнив свой долг перед Россией, вернутся целыми и невредимыми. И Николя – тоже вернется... А я пока подумаю, как поступить...

– Папá! – воскликнула великая княжна. – Если с Николя что-нибудь случится... Знай, я люблю только его одного и ни за кого другого не выйду замуж. Я умру не от болезни, как это было с той Адини, из их истории, а от тоски и горя... Я не хочу жить без него...

Император молчал. Ему нечего было сказать. Сердце у него защемило от жалости к своей любимой дочери. Он на мгновение представил, что она и вправду – а он в этом не сомневался – умрет. И ему стало нехорошо. Нет, он никогда не убьет ее своим запретом, как и не сможет вот так вот, с ходу, дать разрешение на ее брак. К тому же Адини еще слишком молода для того, чтобы выдавать ее замуж. Пусть все остается так, как есть.

Приняв такое соломоново решение, император немного успокоился. Он снова обнял Адини, погладил ее по мягким волосам и ласково сказал:

– Милая моя, все будет хорошо, я обещаю тебе это. Николя и его спутники скоро вернутся с победой. А что будет потом – о сем лишь Господь ведает. Помни, Адини, что в Его руках судьбы всех живущих на земле, в том числе и власть предрежащих. Молись, и Господь тебе поможет. А мы, рабы Его, исполним волю Всевышнего.

Адини в последний раз всхлипнула и по-детски, как когда-то, лет десять назад, прижалась к отцу...

Утром, позавтракав, великая княжна, с разрешения императора, отправилась к Александру Павловичу Шумилину. Она решила поговорить с человеком, которого прищельцы из будущего уважали и считали своим лидером.

Александр Павлович терпеливо выслушал сбивчивый рассказ девушки и тяжело вздохнул.

«Совсем как мой папá», – мелькнуло в голове Адини.

– Видишь ли, милая, – задумчиво сказал он, – все не так просто, как тебе кажется. Любовь – это светлое чувство, но если бы ты знала – сколько трагедий в мире происходит из-за того, что два любящих друг друга сердца вынуждены расстаться. Ты ведь читала трагедию Шекспира «Ромео и Джульетта»?

Адини кивнула, вспомнив, сколько слез она пролила, оплакивая несчастных влюбленных. Кстати, Джульетта была моложе, чем она. Они погибли из-за того, что по прихоти самых близких людей им пришлось расстаться.

– Так вот, – продолжил Шумилин, – мне очень не хочется, чтобы нечто подобное произошло и у тебя с Николаем. Я ведь помню его еще совсем маленьким. Он рос на моих глазах. Сейчас Николай – взрослый мужчина, опытный воин и просто замечательный человек. Он любит тебя, и это прекрасно. С ним ты будешь счастлива. Но, с другой стороны, существуют принципы, через которые твой отец переступить не может. Правильные они или нет – судить не нам. Главное то, что они существуют, и мы вынуждены с ними считаться. Это в наше время царственные особы вольны выходить замуж или жениться по любви, независимо от того, кто их избранник или избранница по происхождению. А пока сословные границы тверды, и переступить их невозможно.

– Так что же, Александр Павлович, – печально спросила Адини, – ничего нельзя сделать?

– Можно, – неожиданно для девушки улыбнулся Шумилин. – Есть путь выхода из тупика. Все зависит лишь от того – захочет ли им воспользоваться твой отец. Я только попрошу тебя не торопить события и терпеливо ждать. То, что невозможно сегодня, вполне возможно завтра. Ну, или послезавтра.

– Александр Павлович, – вздохнула Адини, – если бы вы знали – как трудно ждать. Николя уплыл в эту злую и страшную Англию вроде бы совсем недавно, а мне кажется, что прошло уже много-много дней. Я все время думаю о нем, вспоминаю его лицо, голос...

Тут девушка вспыхнула, как маков цветок. Ей стало вдруг стыдно за то, что она так откровенно рассказывает все это совершенно постороннему человеку. Хотя Александр Павлович и его друзья уже стали ей как бы родными.

– Милая девочка, – неожиданно, совсем по-домашнему, обратился к ней Шумилин, – я тебя прекрасно понимаю. Ждать, действительно, тяжело. Но, именно женщины, своим ожида-

нием часто спасают своих любимых. Знаешь, во время нашей, самой страшной войны, один замечательный поэт написал вот такое стихотворение:

Жди меня, и я вернусь.
Только очень жди,
Жди, когда наводят грусть
Желтые дожди.
Жди, когда снега метут,
Жди, когда жара,
Жди, когда других не ждут,
Позабыв вчера.
Жди, когда из дальних мест
Писем не придет,
Жди, когда уж надоест
Всем, кто вместе ждет.

Жди меня, и я вернусь,
Не желай добра
Всем, кто знает наизусть,
Что забыть пора.
Пусть поверят сын и мать
В то, что нет меня,
Пусть друзья устанут ждать,
Сядут у огня,
Выпьют горькое вино
На помин души...
Жди. И с ними заодно
Выпить не спеши.

Жди меня, и я вернусь,
Всем смертям назло.
Кто не ждал меня, тот пусть
Скажет: – Повезло.
Не понять, не ждавшим им,
Как среди огня
Ожиданием своим
Ты спасла меня.
Как я выжил, будем знать
Только мы с тобой, —
Просто ты умела ждать,
Как никто другой.

– Спасибо, Александр Павлович, – глотая слезы, произнесла Адини. – Я выучу это стихотворение и буду читать его, как молитву. Я верю, что Никола скоро вернется домой, и я снова увижу его. Я буду его ждать долго-долго, столько, сколько нужно. Хотя всю жизнь...

Москва Златоглавая

Лечение Александра Христофоровича Бенкендорфа шло успешно. Хотя граф сильно переживал из-за того, что он на время передал бразды правления III отделением молодому и еще неопытному, но толковому и умному майору Соколову. Хотя Бенкендорф и считал себя русским человеком, но в душе он оставался немцем – старательным и аккуратным служакой.

Утешало его лишь то, что здоровье пошло на поправку. Головокружения и внезапная темнота в глазах случались все реже и реже. Почти прекратились и боли в сердце. Граф словно помолодел лет так на десять-пятнадцать. Он даже стал задумчиво поглядывать на молоденьких медсестер, сновавших по коридорам лечебного корпуса, со вздохом вспоминая о своих былых амурных приключениях и подкручивая при этом поседевшие усы.

Похоже, что информацию об улучшении самочувствия пациента врачи санатория сообщали тем, кто курировал лечение Александра Христофоровича. И должные выводы были сделаны.

В один прекрасный день в санаторий явился мужчина средних лет в статском платье, который назвался подполковником Владимиром Николаевичем Гавриловым. Он сообщил графу о том, что Сергей Борисович не забыл о своем обещании, и завтра они отправятся в Первопрестольную.

– Думаю, Александр Христофорович, – сказал его новый знакомый, – что одного-двух дней вам вполне хватит для того, чтобы осмотреть Москву XXI века, после чего мы с вами снова вернемся в Петербург, и вас переправят в ваше время.

– Отлично! – обрадованно воскликнул Бенкендорф. – Только не слишком ли много времени займет все это? Ведь до Москвы из Петербурга – несколько дней пути.

– Ах да! – граф всплеснул руками. – Я совсем запамятовал, что у вас передвигаются не на тройках, а на самодвижущихся повозках. Только и им тоже понадобится немало времени, чтобы доехать до Москвы. Или вы хотите, чтобы мы полетели на ваших аппаратах, которые, подобно ангелам небесным, парят в воздухе?

– Александр Христофорович, – улыбнулся подполковник, – мы не поедем по дороге и не полетим по небу. Но завтра, выехав около полудня из Петербурга, к обеду будем в Москве.

– Не может такого быть! – воскликнул изумленный Бенкендорф. – Разве можно всего за несколько часов попасть из одной российской столицы в другую?

– Можно, – таинственно улыбнулся подполковник.

На следующий день Александр Христофорович убедился, что потомки действительно умеют творить чудеса.

Подполковник Гаврилов заехал за ним утром, едва граф успел позавтракать. После недолгих сборов они покинули гостеприимный санаторий и на автомобиле отправились на вокзал, откуда отправлялись в путь поезда, влекомые парходами по чугунке. Правда, как объяснил графу подполковник, чугунку сейчас называют железной дорогой, а парход – паровозом. К тому же по железным дорогам паровозы уже практически не ходят, а вагоны тянут локомотивы, оснащенные не паровой машиной, а двигателями, работающими на основе других принципов.

Вокзал удивил Бенкендорфа. Он находился в самом центре города, на пересечении Невского проспекта и улицы, появившейся там, где в его времени протекал Лиговский канал – напротив Знаменской церкви. Правда, от церкви не осталось и следа, а на ее месте возвышалось непонятного назначения здание с ротондой, увенчанной шпилем. Подполковник Гаврилов объяснил, что это станция метрополитена, а на вопрос графа – куда делась церковь, почему-то не ответил.

Достав из внутреннего кармана маленькую книжечку с двуглавым орлом на обложке. Владимир Николаевич сказал, что это паспорт – документ, изготовленный специально для графа. Бенкендорф с любопытством открыл его. Внутри была вклеена его фотография – моментальный рисунок, сделанный по методу Луи Дагера, а также было написано: «Александр Христофорович Белкин». В ответ на недоуменный взгляд графа подполковник сказал, что имя начальника III отделения слишком хорошо известно даже в их времени, поэтому не стоит привлекать к его особе лишнее внимание. Александр Христофорович пожал плечами, но возражать не стал. В конце концов, он здесь гость, а не хозяин, и вряд ли стоит возражать против принятых здесь порядков. К тому же ему стало приятно, что и в далеком прошлом сохранилась память о нем.

Пройдя через толпу людей с сумками и баулами, граф и его спутник подверглись контролю здешних полицейских. Потом они оказались на огромном перроне, где стоял изящный серебристый поезд с надписью «Сапсан» на борту.

– Нам сюда, – сказал Гаврилов, останавливаясь у одного из вагонов. Он протянул паспорта и билеты служительнице, которая, посмотрев в документы, пригласила их войти в вагон.

Граф вслед за подполковником прошел в отдельное помещение, где стояли четыре кожаных кресла, диван и столик. Обстановка была более чем скромной, но, как уже успел заметить Бенкендорф, у потомков не было принято выставлять напоказ роскошь.

– Александр Христофорович, мы поедем в этом купе вдвоем, – предложив графу присесть, произнес Гаврилов. – Нам никто не будет мешать, и мы сможем поговорить здесь свободно. Да и путешествие наше не слишком затянется. Через четыре часа мы уже будем в Москве.

Бенкендорф опять удивился, но вида не показал – он подумал, что если подполковник сказал, что вся дорога займет четыре часа, то так оно и будет. И оказался прав...

Ровно через четыре часа они вышли из чудо-поезда на перрон вокзала в Москве. Там их уже встречали. Подполковник отвел графа к машине, стоявшей на площади у вокзала, и попрощался с ним, пообещав, что они увидятся вечером. А в машине Бенкендорфа поджидал его старый знакомый – Сергей Борисович.

– Рад вас видеть, Александр Христофорович, – сказал он, пожимая руку графу, – я сдержал свое обещание, и, с вашего позволения, побуду какое-то время вашим гидом.

– Весьма вам признателен, – ответил граф, – и с удовольствием проведу время в вашем обществе. Если не секрет, куда мы сейчас направимся?

– В Кремль, – улыбнулся Сергей Борисович, – как вы знаете – это сердце России...

Машина быстро двигалась по широким московским улицам. Бенкендорф с любопытством смотрел по сторонам, не узнавая так хорошо ему знакомый город. Он помнил Москву до Пожара и после, когда, ворвавшись через Тверскую заставу в город, схватился на заваленных трупами улицах с польской уланской бригадой, прикрывавшей отступление арьергарда Великой армии Бонапарта. Поляки отчаянно рубились с его донцами, зная, что русские не простят им того, что они натворили в захваченной Москве. Дело было жаркое, но казаки в конце концов опрокинули поляков и погнали их прочь, взяв четыре сотни пленных.

Все московские улицы были забиты брошенными французами фурами и телегами, нагруженными добром, найденным в брошенных москвичами домах. Повсюду валялись вздувшиеся трупы павших лошадей.

Александр Христофорович потер лоб. Заметив этот жест, Сергей Борисович участливо поинтересовался – не болен ли граф, и не лучше ли будет отложить посещение Кремля и отправиться в отведенные ему апартаменты. Но Бенкендорф покачал головой и сказал, что он хотел бы продолжить знакомство с Москвой.

Вскоре машина подъехала к Кремлю. Увидев его башни, увенчанные вместо двуглавых орлов большими красными звездами, Александр Христофорович опять погрузился в воспоми-

нения. Ему вспомнился Кремль 1812 года, частично взорванный отступавшими французами. Стены его обрушились в пяти местах. По счастливой случайности часть заложенных мин так и не взорвались. Бочки с порохом и зарядные ящики потом были обнаружены под Спасской башней, на которую он сейчас смотрел, под кремлевскими соборами, Оружейной палатой и колокольней Ивана Великого.

Граф вспомнил то, что он увидел, ворвавшись в полуразрушенный Кремль, где еще бегали не успевшие завершить свое черное дело французские саперы. Казаки с пашками в руках верхами гонялись за ними и рубили безо всякой пощады.

А вот и кремлевские соборы. Сердце у графа сжалось – он вспомнил их, покрытых копотью, с покосившимися крестами на куполах. На площадях перед храмами стояли горны, в которых французы переплавляли сорванные с икон серебряные и золотые оклады, а также церковную утварь. В Архангельском соборе захватчики устроили винный склад. Войдя в него, Бенкендорф чуть не оставил на полу подошвы своих сапог – весь пол был залит липкой мадерой. В Успенском соборе под его сводами вместо паникадила висели огромные весы. Там же, на Царских вратах французы вели учет награбленного. Как оказалось, через эти весы прошло 18 пудов золота и 325 пудов серебра.

Но не это было самое страшное. Войдя в собор, Бенкендорф почувствовал невыносимый смрад. Захватчики превратили храм в отхожее место. Они гадили прямо в открытые саркофаги, где были погребены русские цари и русские святые. Мощи же были выброшены из гробниц и изрублены на части.

Поняв – чем все это может закончиться для пленных французов, если казаки и вошедшие в город вооруженные мужики-партизаны увидят такое надругательство над православными храмами и святынями, Александр Христофорович приказал запереть двери соборов и опечатал их своей личной печатью.

– Я понимаю, о чем вы сейчас думаете, – тихо сказал ему Сергей Борисович. – Вы сражались с нашествием всей Европы на Россию в 1812 году. Нашим отцам тоже пришлось сражаться с объединенной Европой под Москвой в 1941 году. Вы знаете, Александр Христофорович, что в величайшем сражении под Москвой довелось снова встретиться в бою французам и русским. Германцы привезли с собой легион добровольцев, набранный из французов – жителей Эльзаса и Лотарингии...

– И как все это было? – с волнением спросил Бенкендорф. – Не посрамили ли русские солдаты славу тех, кто сражался с врагом под Москвой в 1812 году?

– Не посрамили, – ответил Сергей Борисович, – французский легион понес большие потери, и его поспешили отвести в тыл на переформирование. Давайте, Александр Христофорович, пройдемте туда, где покоится погибший в 1941 году один из безымянных защитников Москвы. Он просто солдат, но ему отдают почести маршалы и генералы.

Они прошли к Могиле Неизвестного солдата. Постояв немного рядом с ней, генерал Бенкендорф, неожиданно для своего спутника, подошел к Вечному огню, встал на колени и низко поклонился. Но никто из тех, кто пришел отдать честь одному из спасителей России, не обратил особого внимания на поступок Александра Христофоровича – здесь так часто поступали люди, которые хорошо знали, что такое война...

* * *

Княгиня Ливен встретила гостей радушно. Хотя она и прожила большую часть жизни за границей, но в душе всегда считала себя русской. Дарья Христофоровна была одной из лучших разведчиц всех времен и народов. В молодости она окончила Смольный институт, в котором учились дочери российской элиты. Там она получила прекрасное образование, научилась

музицировать и свободно разговаривать на четырех европейских языках. Впоследствии все это ей очень пригодилось.

Еще будучи смолянкой, она стала фрейлиной императрицы Марии Федоровны, супруги императора Павла Первого. В 1800 году ее выдали замуж за начальника Военно-походной канцелярии императора, генерал-адъютанта графа Христофора Андреевича Ливена. Вскоре после убийства Павла I граф Ливен был направлен молодым императором Александром I послом в Берлин. Время, в которое граф начал свою дипломатическую карьеру, было бурным. Император Наполеон Бонапарт легко завоевывал одно европейское государство за другим и, словно бравады портной, лихо перекраивал политическую карту Старого Света.

Граф Ливен находился в свите Александра I во время переговоров царя с Наполеоном в Тильзите. Но так уж получилось, что его очаровательная супруга знала о тайнах этих переговоров больше, чем он сам. Дело в том, что Дарья Христофоровна, несмотря на то что ей пришлось сдать после замужества свой фрейлинский шифр, все же осталась любимицей вдовствующей императрицы Марии Федоровны, с которой ее царствующий сын был полностью откровенен. От нее-то графиня Ливен и получала конфиденциальную информацию. Таким образом, она была, в отличие от своего мужа, в курсе практически всех деталей российско-французских переговоров.

Но Дарья Христофоровна показала, что умеет не только проникать в тайны высшей политики, но и держать язык за зубами. Молодая графиня скоро почувствовала вкус к политическим интригам. Со временем о ней стали говорить, что она «при муже исполняла роль посла и советника и сама сочиняла депеши». Она была умнее, энергичнее и способнее своего супруга. К тому же Дарья Христофоровна с успехом использовала то, чем ее с избытком наградила природа – свою красоту и обаяние. Никому не приходило в голову, что кокетливая и внешне легкомысленная дама, весело щебечущая о каких-то пустяках, на самом деле является опытной разведчицей, внимательно слушающей серьезные разговоры мужчин о политике. После каждого светского раута графиня садилась писать отчет в Петербург о том, что ей стало известно из неосторожных разговоров в ее присутствии дипломатов и военных.

Именно она продиктовала своему супругу в феврале 1812 года донесение о том, что Пруссия подписала тайный договор с Наполеоном, направленный против России, и обещала выделить воинский контингент, который будет действовать совместно с Великой армией Бонапарта. Незадолго до начала боевых действий супруги покинули Берлин и вернулись в Петербург. Графа Ливена назначили послом в Лондон. В Англии он пробыл двадцать два года, ставшие вершиной в разведывательной деятельности Дарьи Христофоровны.

В Лондоне она открыла светский салон, в котором часто бывали самые известные британские политики и дипломаты. Беседы посетителей салона княгини Ливен (этот титул ее супруг получил при коронации нового императора Николая I в 1826 году) стали для Дарьи Христофоровны источником ценных разведывательных сведений. К тому времени княгиня уже имела немалый опыт сбора секретной информации, легко заводила новые связи и умела создавать вокруг себя атмосферу всеобщей приятности и взаимного доверия.

Среди поклонников княгини Ливен был и король Англии Георг IV. Он даже стал крестным отцом ее сына Георгия. Злые языки поговаривали о том, что новорожденный был слишком уж похож на британского монарха. Возможно, что это были не досужие сплетни. Не случайно в опочивальне короля висел портрет княгини Ливен кисти придворного живописца Томаса Лоуренса.

Два года назад княгиня овдовела. Перед этим она потеряла двух сыновей, умерших от скарлатины. После смерти мужа скончался еще один ее сын. Все эти несчастья сказались на здоровье Дарьи Христофоровны. Она перебралась из туманной и сырой Англии во Францию, где в Париже она открыла светский салон. Среди его посетителей она продолжала собирать ценную разведывательную информацию. Но, получив письмо от императора с просьбой помочь

его посланцам выполнить одно деликатное поручение, княгиня незамедлительно отправилась в Лондон, чтобы задействовать свои немалые связи среди английского истеблишмента.

...Перед гостями из будущего сидела пожилая 55-летняя женщина со следами былой красоты. Но она и сейчас была полна обаяния и того, что мужчины называют шармом. После смерти сыновей и мужа княгиня предпочитала носить строгую одежду темных тонов. Дарья Христофоровна окинула своих посетителей пронизательным взглядом. Она сразу поняла, что перед ней стоят не совсем обычные люди. Долгая жизнь сделала княгиню хорошим психологом. Она умела неплохо разбираться в том, на что способен тот или иной человек. Но сейчас Дарья Христофоровна находилась в растерянности – прибывшие из Петербурга люди были совсем не похожи на обычных посланцев из министерства иностранных дел.

До княгини Ливен уже доходили слухи о странных делах, происходящих в России. Непонятно откуда появившиеся люди вдруг, неожиданно для всех, стали ближайшими советниками императора Николая I. Последовала удивившая всех отставка вице-канцлера графа Нессельроде, резкое ухудшение дипломатических отношений между Англией и Россией, таинственное исчезновение нескольких, довольно влиятельных сотрудников британской разведки, работавших в Петербурге под дипломатическим прикрытием... Не с этими ли господами, стоявшими сейчас перед ней, связаны все эти события?

Старший из гостей – княгиня определила это по его возрасту и по тому, как он уверенно держался – протянул ей конверт. В нем находилось послание, подписанное императором. Ничего нового для себя Дарья Христофоровна из него не узнала – в письме была все та же просьба оказать посланникам императора максимальное содействие. А вот во втором конверте, запечатанном их фамильной печатью, лежала записка от ее любимого брата, графа Бенкендорфа. Эту записку княгиня прочитала внимательно.

Глава III отделения без долгих предисловий сообщал сестре о том, что люди, передавшие ей эту записку – его лучшие друзья. «Дороти, – писал он, – ты должна сделать для них все, что они у тебя попросят. Это очень важно для России и для меня. Считай, что помогая им, ты помогаешь мне».

Княгиня еще раз перечитала послание брата и снова внимательно посмотрела на стоящего перед нею молодого мужчину, который, однако, по прикидкам Дарьи Христофоровны, был как минимум ее ровесником, молодого человека и прелестную девушку.

– Господа, – наконец произнесла княгиня, обращаясь к своим гостям, – я вся во внимании. Скажите, чем я могу вам помочь? У меня в Англии осталось немало хороших знакомых, занимающих и сейчас довольно высокие посты в правительстве. Они будут рады оказать мне содействие...

– Видите ли, ваше сиятельство, – сказал старший из посетителей, – суть нашего задания довольно деликатна, и нам меньше всего хотелось бы, чтоб о нем стало известно кому-нибудь из британских официальных лиц. В общем, нам необходимо получить всю возможную информацию о местонахождении некоего Дэвида Уркварта. Нас интересует все: где он живет, сколько у него слуг, каков его распорядок дня и каковы его планы на ближайшее будущее...

– Значит, Уркварт... – задумчиво произнесла княгиня. – Господа, я должна сразу предупредить вас, что, несмотря на его конфликт с министром иностранных дел лордом Палмерстоном, у мистера Уркварта в британском высшем свете имеются могущественные покровители. Но у него есть и не менее могущественные недоброжелатели. Об этом тоже не следует забывать. Что же касается Уркварта, то это весьма опасный человек, к тому же он люто ненавидит Россию. Я уже догадалась, господа, зачем вы приехали в Лондон. Знайте, что вы очень сильно рискуете. Впрочем, не меньше, чем наши солдаты, воюющие на Кавказе против немирных горцев, подстрекаемых эmissарами Уркварта. И я постараюсь вам помочь.

– Скажите, господа, – после недолгого молчания спросила княгиня Ливен, – вы случайно не из тех людей, которые недавно появились в Петербурге и которые успели стать очень близ-

кими к императору? Я вижу в ваших глазах нечто незнакомое мне, что вызывает и страх, и любопытство. Поверьте мне, господа, я уже ничего в этой жизни не боюсь. После того, как я потеряла мужа и трех сыновей, – тут голос княгини дрогнул, – я спокойно отношусь к мысли о смерти. Но вы меня пугаете. Вы – словно выходцы из другого мира. Кто вы, господа, скажите мне ради всего святого?

Подполковник Щукин с сожалением посмотрел на взволнованное лицо Дарьи Христофоровны. Ему очень хотелось рассказать ей обо всем. Но в то же время не стоило княгине знать правду об их иновременном происхождении. Во всяком случае, пока. Ведь в Святом Писании говорится, что во многом знании многие печали...

– Ваше сиятельство, – в голосе Олега прозвучало участие, – я очень огорчен тем, что не могу ответить на некоторые ваши вопросы. Поверьте, государь полностью доверяет вам, но пока – я подчеркиваю – пока, ничего я вам сказать не могу. Мы сделаем то, что нам поручено, и покинем Британию. После этого, Дарья Христофоровна, – Щукин впервые обратился к княгине Ливен по имени и отчеству, – я бы посоветовал вам отправиться в Петербург и откровенно побеседовать с вашим братом. Думаю, что к тому времени вам уже можно будет рассказать все, касаемое нас.

– Почему вам следует услышать все именно от вашего брата? – спросил Щукин, увидев разочарование и даже обиду в глазах княгини. – Да потому, что если мы вам сейчас все расскажем о себе, то вы нам просто не поверите. Но вы ведь доверяете Александру Христофоровичу? Если да, то он ответит на все ваши вопросы. Он знает о нас всё...

– Хорошо, – кивнула княгиня, – тогда позвольте спросить вас, таинственный незнакомец, как мне обращаться к вам и вашим спутникам? Надеюсь, что это не является строго охраняемой государственной тайной?

– Конечно нет, ваше сиятельство, – улыбнулся Щукин. – Мое имя – Олег Михайлович Щукин. Эта девушка – моя дочь, Надежда. А этот молодой человек – Вадим Александрович Шумилин.

– Очень приятно, господа, – улыбнулась княгиня. – Обо мне, как я поняла, вам известно многое. Похоже, даже то, о чем я уже успела забыть. Возможно, что и мое будущее не является для вас секретом. Впрочем, это, наверное, уже находится за пределами того, что мне можно узнать... А теперь, Олег Михайлович, поговорим о том деле, ради которого вы приехали в Британию. Я постараюсь вам помочь. Завтра с утра я нанесу несколько визитов своим старым лондонским друзьям. Кому именно – неважно. И я попрошу вас завтра вечером снова приехать ко мне. Надеюсь, что мне уже будет что вам рассказать. А пока, господа, хочу с вами попрощаться. Мне надо о многом подумать...

* * *

Дэвид Уркварт с самого утра был не в духе. Вроде бы особых причин для плохого настроения и не было, но на душе у него отчего-то скребли кошки. Беспокойная и полная приключений жизнь сэра Дэвида приучила его внимательно относиться к предчувствиям – только благодаря этому он сумел уцелеть в молодости, когда ему было чуть больше двадцати.

Тогда, в 1827 году, сэр Дэвид в поисках приключений решил отправиться в Грецию, чтобы сразиться с войсками Ибрагима-паши – приемного сына правителя Египта Мухаммеда Али. Головорезы Ибрагима-паши залили кровью всю Элладу. Они не щадили никого – ни мужчин, ни женщин, ни старых, ни малых. В одной из жарких схваток с египтянами он был тяжело ранен, но сумел выжить.

Сэр Дэвид стал вспоминать все произошедшее с ним вчера, стараясь понять, что именно его насторожило. Ему почему-то сразу же вспомнился вчерашний визит в его дом немного странной девицы, которая явилась из агентства по занятости. Дело в том, что сэру Дэвиду

нужна была горничная – старая начала якшаться с разными подозрительными личностями, что было чревато большими неприятностями для сэра Дэвида. Деликатные дела, которыми ему приходилось заниматься, накладывали определенные требования на слуг, живущих в его доме. Хозяин должен быть уверен в том, что все, что его слугам удастся услышать или увидеть, не выйдет за пределы дома.

Но без горничной, на которой держался порядок в доме, существовать было просто невозможно. Сэр Дэвид отправил в весьма уважаемое в Лондоне агентство, занимавшееся подбором домашней прислуги, просьбу найти ему горничную – молодую, здоровую и, самое главное, без дурных привычек и подозрительных связей. И вчера из этого агентства пришла девица, желавшая наняться к сэру Дэвиду в качестве прислуги.

Несмотря на то что девица, назвавшаяся Мэри, была молода и весьма красива, что-то в ней насторожило Уркварта. Она, как и полагалось в подобных случаях, предъявила хозяину рекомендательное письмо от своего предыдущего нанимателя, виконта Нэсби, в котором тот весьма положительно отзывался о своей горничной. Сэр Дэвид лично не был знаком с виконтом Нэсби, но, по слухам, человеком он был уважаемым и честным.

Мэри говорила по-английски достаточно свободно, но то, что она – не англичанка, он понял сразу. Девица была больше похожа на итальянку или испанку. Сэр Дэвид поинтересовался, откуда Мэри родом. Та ответила, что ее настоящее имя Марика, и родилась она в Австрии. Ее родители, венгры по национальности, в поисках лучшей жизни покинули родной Пешт, когда Мэри была еще девчонкой. Они отправились в Британию, а оттуда – в Новый Свет. Мэри с теткой осталась в Лондоне. Родители обещали им, что как только они найдут работу в САСШ, то сразу же вызовут Мэри с теткой к себе. Но за те десять лет, которые прошли с момента их отплытия в Нью-Йорк, от родителей так и не поступило никаких известий. Тетка Мэри умерла два года назад, и теперь она живет совсем одна.

На первый взгляд рассказ девицы был вполне правдоподобным. Действительно, многие жители европейских стран отправлялись в Америку в поисках счастья и удачи. И многие девушки из вполне приличных семей нанимались в услужение к состоятельным людям. Шесть-восемь фунтов в год, которые платили хозяева служанкам, сумма немалая. Плюс деньги, которые хозяева давали прислуге на чай и сахар. Плюс доход от продажи костей, тряпок, шкурок кроликов и даже свечных огарков. Гости, покидая дом хозяина, по обычаю одаривали прислугу мелкими монетами. В общем, жить вполне можно. Аккуратная и бережливая горничная могла со временем скопить немалую сумму денег, на которую можно было открыть свое дело.

Но, еще раз посмотрев на стоявшую перед ним девицу, сэр Дэвид задумчиво почесал переносицу. Она была красива, очень красива. Такая девица, при желании, могла найти себе богатого покровителя и не ползать на коленях, вытирая тряпкой грязные ступеньки. Странно все это...

Тогда Уркварт сказал Мэри, что он пока не принял относительно нее какого-либо решения и попросил зайти дня через два. Когда же девица ушла, сэр Дэвид велел одному из своих помощников, Джону Мак-Грегору, чтобы он незаметно проследил за Мэри и узнал, где она живет, а заодно и расспросил про нее соседей.

Но Джон в тот день так и не вернулся домой. Куда он делся – непонятно. Сэр Дэвид знал Джона не один год и не мог поверить, что тот на обратном пути завалился в кабачок и загулял. Что-то с ним стряслось. Подождав до обеда, Уркварт велел другому своему помощнику, Эндрю Кэмпбеллу, сходить в полицейский участок и расспросить служителей порядка – не слышали ли они что-либо о пропавшем Мак-Грегоре. «Бобби» лишь разводили руками – ночью в этом районе Лондона было найдено несколько трупов, но ни один из них не был похож по описанию на пропавшего Джона...

Сэр Дэвид так и не узнал, что первая фаза операции по его похищению прошла успешно. Княгиня фон Ливен сдержала свое слово. Во время следующей встречи она сообщила подпол-

ковнику Щукину адрес, по которому проживал в Лондоне Дэвид Уркварт. Хитро улыбаясь, Дарья Христофоровна сказала Олегу, что на днях Уркварт рассчитал свою горничную и сейчас подыскивает новую.

– Господин Щукин, – в глазах княгини Ливен заплясали чертики, – я могу попросить одного из своих знакомых написать рекомендательное письмо, на имя... – тут она снова улыбнулась и внимательно посмотрела на Надежду. – В общем, с этим письмом можно будет проникнуть в дом сэра Дэвида. Думаю, что вам очень хочется это сделать.

– Дарья Христофоровна, голубушка, – воскликнул обрадованный подполковник, – да вы просто волшебница! Теперь я понимаю, почему ваш брат так настоятельно советовал мне обращаться к вам с любой просьбой и говорил, что для вас нет ничего невозможного.

От этих слов Щукина княгиня фон Ливен даже зарумянилась. Она словно помолодела на два десятка лет. Похоже, что Дарья Христофоровна уже догадалась, что посланец из Петербурга – ее коллега по ремеслу. Потому похвалы подполковника были ей вдвойне приятны.

Получив рекомендательное письмо и подробнейший инструктаж о том, как следует себя вести, Надежда отправилась в дом Уркварта и имела счастье лично увидеть знаменитого руссофоба. Сэр Дэвид, по ее словам, был «серьезным дядечкой».

– Знаешь, папа, – рассказывала она, – он говорил со мной и все время глазами на меня зыркал, словно хотел мне прямо в душу заглянуть. Я не уверена, что он мне поверил. Но мне к нему ведь больше не надо идти? Правда, папа?

Щукин кивнул головой и улыбнулся.

– Не надо, Наденька. Ты свою работу сделала, причем вполне качественно. Куда ты, говоришь, «жука» у него спрятала?

– Как ты мне, папа, велел, – сказала Надежда. – Дождалась, когда он отойдет к окну, чтобы прочитать рекомендательное письмо, и незаметно прилепила «жучок» к его письменному столу снизу. Ты ведь уже проверил – он работает?

– Проверил, Наденька, проверил. Все нормально. Теперь мы в курсе того, о чем Уркварт беседует в кабинете со своими посетителями. Сейчас, к примеру, он очень озабочен розыском своего пропавшего помощника. Ты молодец – вывела его прямо туда, где его поджидали Вадим и Никифор.

– Да, папа, – рассмеялась Надежда. – Этот мордоворот даже «мяу» сказать не успел, как оказался связанным по рукам и ногам и с кляпом во рту.

– Крепкий оказался мужичок, – сказал Щукин. – Видимо, он сильно предан своему боссу. Если бы не «сыворотка правды», ни за что бы мы его не «раскололи». Сейчас он сидит в чуланчике под замком и льет слезы горючие.

– Папа, – заглянув в глаза отцу, немного волнуясь, спросила Надежда, – а что вы потом сделаете с этим Джоном? Ведь его же нельзя взять и отпустить...

– Знаешь, дочка, – подполковнику явно не нравилось продолжение этого разговора, – наша работа иногда бывает жестока. Мне самому порой бывает неприятно делать некоторые вещи, но их приходится делать, чтобы выполнить задачу, которую нам поставили.

– Значит, папа... – голос Надежды дрогнул.

– Да, дочка, – подполковник Щукин обнял ее за плечи. – Но давай больше не будем об этом. Нам надо подумать – как выманить сэра Дэвида, и постараться захватить его в полной целостности и сохранности. А для этого я еще раз прослушаю запись допроса его помощника. Как я понял, Уркварт собирался в самое ближайшее время отправиться на материк. Надо узнать – куда и когда он двинется в путь...

* * *

После посещения Кремля Сергей Борисович пообедал с Бенкендорфом в весьма приятном заведении, где, по мнению графа, неплохо готовили, и откланялся, сославшись на занятость.

– Александр Христофорович, – сказал он, – с вами остается Владимир Николаевич. Если вы пожелаете, завтра он может свозить вас в танковую дивизию, где вы посмотрите своими глазами на то, что могут наши военные машины. Думаю, что вам, как боевому генералу, это будет очень интересно.

– Конечно, конечно! – воскликнул Бенкендорф, – я буду рад увидеть войска России XXI века. А куда мы поедем? Это далеко от Москвы?

– Нет, не очень, – улыбувшись так, что на его щеках появились ямочки, ответил Сергей Борисович, – вы, наверное, знаете такой городок под Москвой – Наро-Фоминск. Через него к Малоярославцу шло войско Наполеона Бонапарта.

– Я, Сергей Борисович, воевал севернее, на Тверской дороге, – вздохнул Бенкендорф, – в отряде генерала Винцингероде. Его предательски захватили в плен французы, а Бонапарт хотел даже расстрелять, узнав, что он является уроженцем Вестфальского королевства, союзного Наполеону.

– Да, наши западные коллеги всегда требовали, чтобы мы строго выполняли все законы войны, тогда как сами их не очень-то чтити, – кивнул Сергей Борисович. – Я буду рад еще раз увидеть вас, Александр Христофорович. А пока всего вам доброго.

На следующее утро Владимир Николаевич заехал за графом в уютный пансионат, куда его накануне вечером привезли после длительной прогулки на автомобиле по Москве.

Бенкендорф был почти готов к поездке. Он умылся, оделся в несколько странную одежду потомков и сидел за столом в буфете, заканчивая завтрак. Подполковник терпеливо дождался, когда граф допьет кофе и доест бисквит.

Машина ехала по широким дорогам, забитым транспортом. Александр Христофорович с интересом смотрел по сторонам, время от времени задавая вопросы своему сопровождающему.

– Да, – наконец, задумчиво сказал он, – все у вас происходит бегом, словно вы за кем-то гонитесь или от кого-то убегаете. Потому-то и жизнь ваша какая-то суетливая. Во всяком случае, для меня, человека XIX века, она выглядит именно таковой. У нас же все происходит неспешно, размеренно.

– В каждом времени есть своя прелесть, – философски заметил Владимир Николаевич. – Иногда и мы устаем от всех этих гонок. Нам порой хочется сесть на камушек на обочине дороги и подумать-помечтать о вечном, о смысле жизни.

А за окнами автомобиля мелькали деревья, дорожные знаки и встречные автомобили. Серая лента шоссе стелилась под колеса их машины.

– Коля, поставь что-нибудь наше, чтобы не было скучно, – сказал подполковник водителю.

Тот кивнул и нажал на кнопку DVD-плеера. Граф Бенкендорф вздрогнул, когда в салоне автомобиля неизвестно откуда раздался хрипловатый мужской голос:

На войне, как на войне:
Патроны, водка, махорка в цене,
А на войне нелегкий труд,
А сам стреляй, а то убьют...

Песня эта не была похожа ни на одну из солдатских песен, которые доводилось слышать генералу за годы его службы в армии. Но это была, несомненно, солдатская песня, в которой рассказывалось о войне, о том, что смерть и жизнь, радость и горе там ходят рядышком. А неизвестный певец рублеными и грубыми фразами пел о неведомом графу комбате, который «сердце не прятал за спины солдат».

Когда же закончилась эта песня, то почти сразу зазвучала следующая, которую, как понял Александр Христофорович, пел все тот же певец:

Давай за жизнь, давай, брат, до конца,
Давай за тех, кто с нами был тогда.
Давай за жизнь, будь проклята война,
Помянем тех, кто с нами был тогда.

– Скажите, Владимир Николаевич, – а вам лично много довелось повоевать? – спросил Бенкендорф, когда закончилась эта песня и отзвучал последний аккорд. Подполковник Гаврилов задумался. Лицо его неожиданно стало жестким и серьезным. Только сейчас граф заметил в его русых волосах седые пряди.

– Знаете, Александр Христофорович, – сказал он, – воевать довелось не так уж много, но даже за это время крови и смерти повидал столько, что хватило на всю жизнь. Скажу вам честно, было страшно, и врет тот, кто рассказывает о том, что в бою он ничего и никого не боялся. Но нужно было заставлять себя побеждать страх и делать то, что следовало делать. И мы делали это.

– Я полностью с вами согласен, – кивнул Бенкендорф, – мне пришлось побывать во многих сражениях, но свой первый бой, в 1803 году, когда мне было всего двадцать лет, и я сражался в Грузии с лезгинами под знаменами князя Цицианова, я запомнил на всю жизнь. И скажу честно, мне было страшно, очень страшно. Но я больше боялся показать свой страх, чем кинжалов лезгин.

Так, с песнями и разговорами они незаметно добрались до деревни Головеньки, где располагался учебный полигон танковой дивизии. Местное начальство, предупрежденное об их визите из Москвы, встретило гостей на КПП и без особых формальностей допустило на полигон, где проводили учение мотострелки и танкисты.

Бенкендорф увидел там рычащих и плюющихся сизым дымом разъяренных железных монстров, которые у потомков назывались «танками» и «боевыми машинами пехоты». Несмотря на свои размеры, они ловко и грациозно двигались по полигону, поднимая тучи пыли. При этом они на ходу стреляли из пушек и пулеметов, разнося в щепки мишени.

– Владимир Николаевич, даже одна такая машина стоит батальона нашей пехоты, а то и целого полка, – в восхищении шепнул он на ухо Гаврилову, – имея несколько танков и БМП, наша армия была бы непобедима!

– Александр Христофорович, – так же шепотом ответил ему подполковник, – у русской армии императора Николая Павловича будут подобные машины. Но прежде всего надо будет подготовить людей, которые могли бы ими управлять. Без них они не более чем груда железа. Но об этом разговор будет чуть позже. А пока пройдемте на стрельбище. В тире вы познакомитесь с нашим оружием, которым вооружена пехота, или, как у вас говорят, инфантерия.

Зрелище учебных стрельб пулеметчиков и гранатометчиков привели Бенкендорфа в изумление, ну а стрельба снайперов вызвала у него восторг.

Тем временем, с разрешения руководителя учебных стрельб, подполковнику Гаврилову позволили пострелять из СВД. По тому, как он по-хозяйски взял в свои руки винтовку и умело занял позицию, стало ясно, что этот человек имеет отношение к славному сословию снайперов.

Ну, а после того, как подполковник быстро и точно поразил все мишени, в этом уже никто не сомневался.

– Где довелось пострелять? – спросил у него руководитель стрельб, средних лет майор с «Кавказским крестом» на кителе, принимая у него СВД.

– Двухтысячный, январь, Чечня, Грозный, – лаконично ответил Гаврилов, – потом февраль, Шатой.

– Могли встретиться, – так же лаконично сказал майор, – а может, и встречались.

– Все может быть, – усмехнулся подполковник. – Земля – шарик маленький.

Смеркалось. Учения на полигоне заканчивались. Попрощавшись с командованием, Гаврилов и Бенкендорф сели в автомашину и отправились в обратный путь. Граф был полон впечатлений. Всю дорогу он расспрашивал у подполковника о боевой технике XXI века, о способах ведения боевых действий в их времени и о войнах, которые пронеслись над Россией.

Когда же автомобиль въехал в черту города, Александр Христофорович, уставший от непривычного для него путешествия, замолчал, а потом попросил у Гаврилова:

– Не могли бы вы мне дать снова послушать того певца, который пел о войне?

* * *

Вот уже почти две недели прошло с того момента, как пароходо-фрегат «Богатырь» вместе с экспедицией «охотников на Уркварта» отправился из Кронштадта в Англию. Оставшиеся в Петербурге Шумилин и Сергеев-старший внешне никак не выказывали свое волнение и озабоченность. Но в душе они сильно переживали за своих сыновей и друзей, зная, какому риску они подвергаются. А тут еще эта история с Адини. Бедная девушка не смогла сдержать свои чувства к Коле Сергееву и призналась во всем отцу.

Но, к удивлению пришельцев из будущего, никакого скандала из-за этого не случилось. Похоже, что суровое сердце императора было тронут мольбами и слезами любимой дочери. Однако это совсем не означало, что по возвращению возлюбленного Адини из Британии, императору и пришельцам снова не придется ломать голову над тем – что будет с Ромео из будущего и Джульеттой из прошлого.

Шумилин старался поменьше попадаться на глаза императору и занимался обычными хозяйственными делами – обустривал свое новое жилище на Кирочной улице. Надо было подобрать для дома мебель, перевезти туда часть имущества и организовать систему охраны, дабы никто из излишне любопытных личностей не совал свой нос туда, куда не следует. Пока же Александр жил в Аничковом дворце, в покоях, отведенных ему императором. А Виктор Сергеев большую часть времени проводил в своем имении, налаживая в нем хозяйство.

В один из августовских дней, когда с низкого свинцового неба на землю капал нудный питерский дождь, Шумилин валялся на диване в халате и домашних туфлях с книжкой в руках. Делать ему ничего не хотелось, к тому же голова ужасно болела, просто раскалывалась. Сие предсказывало скорую перемену погоды.

И вот, когда он находился в раздумьях – проглотить таблетку от головной боли или чутко подождать, в дверь его комнаты кто-то вежливо постучал. Это пришел лакей князя Одоевского с запиской, адресованной Александру. Прочитав ее, он встал с дивана, принял таблетку пентальгина и стал переодеваться.

В своей записке князь сообщал ему, что у него в гостях находится очень интересный человек, и если Александру Павловичу будет угодно, то он познакомит его с этим гостем.

Заинтригованный Шумилин вместе с терпеливо ожидавшим его лакеем отправился на Фонтанку, не обращая внимания на дождь, благо от Аничкова дворца до дома Одоевского было рукой подать. В прихожей он отдал мокрый зонтик и цилиндр горничной, и с ходу попал в мочуние объятия князя.

– Дорогой Александр Павлович, – воскликнул Одоевский, – я так рад вас видеть! Если бы вы знали, как возликовало мое сердце, услышав ваш голос! Прошу вас, проходите быстрее в гостиную! Княгиня и мой гость ждут вас с огромным нетерпением.

Шагнув в гостиную, Шумилин замер от изумления. Рядом с улыбающейся княгиней Ольгой Степановной на стуле сидел худощавый военный в чине поручика, который мило беседовал по-французски с хозяйкой дома. Александр сразу же узнал того, кто был гостем князя – это же Михаил Юрьевич Лермонтов, собственной персоной, на тот момент – поручик Тенгинского пехотного полка!

Одоевский представил его Лермонтову как друга их семьи. Князь присовокупил, что Александр Павлович долгое время жил вне пределов России, поэтому он еще не до конца освоился в Петербурге и плохо знает здешние нравы и обычаи. Из этих слов Шумилин понял, что они еще не успели рассказать поэту о том, что он человек из XXI века.

Насколько было известно Шумилину, поручик Лермонтов находился на Кавказе в отряде, действовавшим против немирных горцев до января 1841 года. Потом его бабушка, Елизавета Алексеевна Арсентьева, урожденная Столыпина, имевшая в столице влиятельных родственников и знакомых, выхлопотала для внука разрешение приехать в Петербург.

И тут Шумилин вспомнил, что где-то недели три назад, в разговоре с императором он посетовал на то, что после трагической смерти Пушкина в России остался один-единственный поэт, равный ему по своему таланту. Правда, он сейчас сражается с чеченцами в отряде генерала Галафеева. Николай нахмурился, хотел было что-то ответить Александру, но промолчал. Больше ни Шумилин, ни Николай этого вопроса не касались.

Похоже, что слова, сказанные императору его гостем из будущего, запали в душу монарха, и он отправил с фельдъегерем приказ вызвать поручика Лермонтова в Петербург. Шумилин знал о том, что Лермонтов был дружен с четой Одоевских, и его появление в квартире дома на Фонтанке было вполне закономерно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.